18+

Жанна Сталкер

Маринетт Мортем: Наследие магии и острие духа режиссера

Жанна Сталкер

Маринетт Мортем: Наследие магии и острие духа режиссера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71581270
ISBN 9785006532717

Аннотация

Режиссер теряет острие духа, которое переходит к автору, и это событие непостижимым образом влияет на судьбу ее дочери Маринетт Мортем, ведущей к выбору профессии режиссера. Это происходит на фоне глубокой веры в магию, шаманские практики и учение Карлоса Кастанеды. Автор рассказала, как она овладела искусством сновидений, ловила олли – неорганических существ, общалась с эмиссаром сновидений наяву, излучала и сканировала энергию, влияла на сознание и память других людей и практиковала гипноз.

Содержание

Дорогие читатели! 5
Резюме 10
Пролог. Искусство сталкинга 13
Часть 1. Лесные поляны. Стук духа 30
1 30
2 37
3 51
4 57
5 64
6 69
7 87
8 101
9 114
10 119
11 125
12 139
13 145
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Маринетт Мортем: Наследие магии и острие духа режиссера

Жанна Сталкер

© Жанна Сталкер, 2025

ISBN 978-5-0065-3271-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Моя история началась с глубокого погружения в мир магии и мистики, вдохновленная работами Карлоса Кастанеды и его последователей. Практики осознанных сновидений и сталкинга открыли передо мной двери в новый мир, полный загадок и возможностей. Несмотря на трудности и неудачи, мое стремление к познанию неизведанного вело меня вперед.

Любовь и карьера сплелись в моей жизни, оставив неизгладимые следы в виде незабываемых встреч и судьбоносных решений. Одним из таких моментов стало мое вмешательство в жизнь актера и режиссера Дмитрия Татаринова (реального человека с обложки этой книги, красивого как Капитан Америка). Однако судьба распорядилась иначе: таинственное «Острие духа» перешло ко мне, и это событие оказало невероятное влияние на будущее моей дочери Маринетт Мортем. Выбор ею профессии режиссера остается для меня загадкой, ведь никто в семье никогда не обсуждал эту профессию, дочь не знала ни о моих шашнях, страстях и амурах, ни о существовании Дмитрия Татаринова, и уж точно никто не ожидал, что она выберет именно этот путь. Все не состыковки и спецэффекты в восприятии реальности, которые были на протяжении моей жизни, можно списать на работу подсознания и фантазии. Но то, что моя дочь сей-

час успешно учится на режиссера, это реальный свершившийся мистический факт. Это слишком необычный выбор профессии, и у меня нет этому никакого объяснения, кроме того, что наше прошлое определяет наше будущее, какими бы сложными не были наши пути.

Мистические знаки преследовали меня на каждом шагу. Одно из таких событий произошло в Мексике 26 июня 2024 г. рядом с г. Тула, где находится Храм утреней звезды с фигурами воинов толтеков, описанных у Кастанеды, где земля разверзлась, образовав огромные канавы. Это событие местные жители восприняли как знак, и я тоже увидела в нем подтверждение связи с древними толтеками, которые, по моему мнению, продолжают существовать в иных мирах и проявляют свое присутствие через такие явления. Так я решила, что время опубликовать эту книгу пришло, ведь я часто ходила в Кунсткамеру и просила у стоящей там у лестницы на входе копии статуи в натуральную величину воина-толтека, помочь мне обрести свой путь.

Преодоление внутренних страхов и сомнений было одной из самых сложных задач на моем пути. Долгое время я боялась публиковать свою книгу, опасаясь обидеть или не угодить кому-либо. Однако заключение особого соглашения позволило мне преодолеть эти страхи и, наконец, поделиться своим опытом и открытиями с миром. Я больше не боюсь обидеть людей за то, что я помню их такими, какие они и были. Все мы приходим в мир, чтобы приобрести опыт

понимания и взаимодействия друг с другом.

Теперь я готова представить вам свою книгу. Это не просто рассказ о моей жизни; это история о магии, творчестве и личном росте, которую я разделила с вами. Надеюсь, что мой опыт вдохновит вас на поиск собственного пути и поможет преодолеть любые препятствия.

Эта книга – не просто сборник слов и предложений, это зеркало моей души, отражение моих самых сокровенных мыслей и чувств. Каждое слово в ней – искренняя исповедь, каждая строчка – откровение, каждое предложение – пережитое мгновение. В каждой главе скрыта своя маленькая тайна, свой секрет, который я доверила бумаге, надеясь, что однажды он найдет отклик в сердцах читателей.

Я публикую ее в январе 2025 года в той редакции, в какой я написала эту книгу в 2005 году. Прошло 20 лет с описанных событий, и мы с Димой, которого я когда-то так отчаянно пыталась забыть, стали добрыми друзьями. Про эту книгу он знает давно, но никогда он ее не комментировал и не давал мне по ней никакую обратную связь. Дима работает актером в Димитровграде, а я менеджером в Санкт-Петербурге. Мы иногда обмениваемся смешными мемами и шутим о старых временах, вспоминая наши юношеские страсти и драмы. Жизнь продолжается, и каждый из нас идёт своим путём, оставляя позади старые страдания и находя новые радости в простых вещах.

Теперь у нас с Димой спокойные дружеские отношения,

без былой бурной любви и драматизма. Время унесло ту юношескую пылкость, заменив её на дружбу и взаимное уважение. Мы оба знаем, что наша любовь осталась в прошлом, но это не мешает нам наслаждаться юмором сегодняшних дней.

Тем временем, Маринетт Мортем, моя дочь, сейчас учится режиссуре на 4 курсе. Она свободна творить всё, что пожелает, без ограничений и давления. Её творчество отражает глубину и многогранность её личности.

В 2024 году, накануне Нового года, Дима, который всегда был известен как балагур, своими розыгрышами и неожиданными выходками, согласился сделать Маринетт особенный сюрприз. По моей просьбе он записал для неё видеопоздравление, в котором предстал в привычном для него образе Деда Мороза. В этом ролике Дима, одетый в традиционный красный костюм и с белой бородой, поздравил Маринетт с наступающим праздником и пожелал ей творческой удачи в режиссуре. Этот жест показал, что несмотря на прошедшие годы и все изменения в жизни, наша дружба с Димой остаётся такой же милой и искренней, как и прежде. Он хороший человек, впрочем, как и все люди, которых я здесь описала.

Сейчас, оглядываясь назад на 20 лет, я удивляюсь, насколько то, что было тогда важным и актуальным, сейчас выглядит совсем по-другому. Пусть амбиции, страсть и молодость проходят, **но человечность была и остается са-**

мым лучшим и нужным качеством, хотя Кастанеда категорически отрицает это. Жизнь, как всегда, все расставляет на свои места, показывая истинные ценности и приоритеты.

А пока, дорогие читатели, отправляемся в прошлое, книгу я написала в 2005 году (тогда мне было 28 лет), события в Лесных полянах были в 1996 году (и тогда мне было 20 лет).

С уважением и благодарностью, Жанна Сталкер.

Резюме

Молодая женщина, устав от проблем, просит высшие силы помочь ей реализовать миссию, которую, как ей кажется, была назначена Богом, или же позволить ей отказаться от ее исполнения. В детстве ей было откровение, что она избранная. Все ее мечты разом сбываются: она становиться президентом Ассоциации, получает признание городской элиты, к ней возвращается любимый человек. Но в результате ее жизнь превращается в неуправляемый кошмар, который ломает ее прежние цели и жизненные ценности. Как бы случайно она открывает для себя мир магии и, окрыленная новыми возможностями, она начинает со всей страстью практиковать описанные в этой книге древние шаманские техники. Одна из техник позволяет ей избавиться от груза своего прошлого, и получить полную свободу восприятия жизни. Она не только понимает, что божественное откровение было грубой шуткой неорганического существа, но и успешно решает магическую задачу по нахождению карты – последовательности событий, присутствующей в каждой человеческой судьбе, которая определяет то, что произойдет в будущем. Карта ясно показывает ей стандартную схему, согласно которой поколения шаманов уходили из мира людей в мир магии.

Эта удивительная книга написана от первого лица, и позволяет читателю не только получить представление об уни-

кальном опыте магической трансформации, но и понять трудности сомнений и заблуждений на пути превращения в настоящего безжалостного мага. В книге Вы найдете невероятные и потрясающие по силе магические истории, безжалостный и последовательный отказ от самых любимых людей и хищение их энергии, встречи с жуткими персонажами, являющимися воплощениями темных сил, опасные и захватывающие путешествия в других мирах. Эмиссар мира неорганических существ, называющий себя Дьявол, становиться ее элегантным другом и веселым советчиком. Глубокий психологизм эпизодов, захватывающий драматический сюжет, яркие жизненные портреты, безжалостная острота и смелость поступков, и конечно, Любовь делает эту книгу похожей на увлекательный и напряженный триллер. В книге удивительным образом сочетаются прагматизм, глубокий философский контент и тонкая поэзия.

Книга не только содержит изложение зловещих техник и процедур магических практик, но и конкретное описание их результатов: открытие экстрасенсорной способности излучать и сканировать энергию руками, гипноз, способность опосредованного влияния, манипуляции памятью и сознанием других людей. Изюминкой этой книги является описание искусства осознанных сновидений, в которых становятся возможны посещения реально существующих мест, как в повседневном мире, так и в других мирах. Это не только ключ к омоложению и произвольному изменению формы

своего реального тела, но и возможность проникать и управлять снами других людей. Эта книга посвящена тому, чтобы научить читателя накапливать энергию, необходимую для практики искусства сновидений и решению экстраординарных магических задач. Задача автора не только убедить читателя, что магия проста и возможна, но и показать тропинку, со всеми трудностями и ловушками, следуя по которой, можно обрести свободу, знания, силу, могущество, молодость и власть.

Книга адресована для широкого круга читателей, а так же всем поклонникам Карлоса Кастанеды, которые смогут оценить эффективность новых подходов к магической практике.

Пролог. Искусство сталкинга

Натолкнувшись на книги Карлоса Кастанеды, и воинов его группы Флоринды Доннер и Тайши Абеляр, я неожиданно нашла объяснения всем неразрешимым вопросам, относительно сложностей и загадок своего восприятия. Поэтому я безоговорочно приняла описанную в них философскую систему, и со всей страстью стала применять на практике на протяжении длительного времени методы, приемы и процедуры магического искусства, описанные в этих книгах. В результате я обнаружила резкую трансформацию собственной личности, повлекшую за собой изменение эмоциональных и психологических состояний, побуждающих мотивов к деятельности, а так же достигла существенных изменений в изменении способности восприятия окружающей действительности.

Важнейшими открытиями древних магов, принятыми новыми видящими, к последователям которых относились члены магической линии дон Хуана, учителя, Карлоса Кастанеды, являлись искусство сталкинга и искусство сновидения. Магам требовалось практиковать и то, и другое искусство, однако условно члены магической группы подразделялись на сталкеров, достигающих высокого мастерства в управлении поведением, и сновидящих, имеющих контроль над своим вниманием и поведением во сне.

Основной силой сталкеров являлся перепросмотр – магическая техника подробного переживания собственной жизни вплоть до незначительных деталей. Силой сновидящих было тело сновидения, которое посредством практики искусства сновидений укреплялось настолько, что могло полноценно действовать в повседневном мире. Для того, чтобы приобрести энергию необходимую для получения возможности практиковать искусство сновидения, необходимо было вести определенный образ жизни, получивший название «путь воина».

Не смотря на то, что маги, описанные в этих книгах, перешли на иной уровень существования, у меня никогда не было склонности думать, что они заинтересовались бы мной, появись такая возможность. Кроме того, я имею критическое отношение к авторам, создающим феерические мистификации около имени Карлоса Кастанеды. Еще больший скептицизм вызывают рекламные трюки, представляющие Дона Хуана как мессию, заботящегося из других миров о своих последователях: «Будьте безупречны, и дон Хуан поможет вам там, где вы находитесь. Здесь и сейчас». Попытка сделать свою версию философии магов древней Мексики более продаваемой и популярной идет в разрез с философией пути воина.

Вступая на путь воина, нужно знать, что не поможет никто и никогда, в жизни воина нет места надежде, и тем более ожиданию, чьей бы то ни было помощи. У воина нет

ни одного шанса, но поэтому ему нечего ждать, не чего терять, и не на что надеяться. Чтобы получить учеников, магам на протяжении всей своей истории приходилось завлекать их обманом, поскольку настоящие цели магов не имеют ничего общего с целями обычных людей. Я же приступила к своим занятиям из жадности. В силу того, что я сама постоянно сталкивалась с некоторыми описанными у Карлоса Кастанеды явлениями, и, обнаружив, что я могу осознавать себя в сновидении, я решила, что мне крупно повезло, и стала стремиться приобрести знания, силу, могущество и новые возможности.

Я решила начать перепросмотр с наиболее актуальных для меня отношений. В то время у меня был близкий друг Антон Казаков, и прошел уже год, как мы с ним полностью прекратили отношения. Но накал страстей нисколько не спадал – я была просто одержима этим человеком, ежеминутно меня душила обида, я его ненавидела, презирала и любила одновременно. Я не могла поверить, что все закончилось. Я думала, что он меня предал. Я старалась изо всех сил выбросить его из памяти, заставляла себя не думать о нем, нагружала себя работой и разными заботами до предела, но ничего не менялось. После того, как я закончила перепросмотр своих отношений с ним, результат меня заинтриговал необычайно – я перестала думать о нем, а когда я намеренно возвращалась к воспоминаниям, то понимала, что они потеряли для меня свою значимость и остроту. Это был результат,

который превзошел все мои ожидания.

Поскольку моей характерной чертой была эмоциональная нестабильность, я любила и ненавидела разных людей одновременно, и это совершенно меня выматывало. Обнаружив эффективный способ прекращения своих душевных переживаний, я с маниакальной скрупулезностью принялась перепросматривать все свои взаимоотношения, которые были как-то важны для меня. Я щелкала свои навязчивые привязанности, как орехи и весь день ожидала момента, когда смогу начать делать перепросмотр. Я считала нужным вспоминать не только людей, но и вообще все, что произвело когда-то на меня эмоциональное впечатление.

Я перепросматривала свои отношения с близкими людьми сначала стандартным способом, описанным в книгах, а затем уже по своей инициативе совершала перепросмотр как бы от лица этих людей. Я пропускала через себя все, что знала о них, все их чувства, эмоции, значительные и мелкие события, их отношения с другими людьми и взгляды на жизнь, так, как будто я сама в этот момент была ими. В результате этого я сделала некоторые открытия относительно этих людей. Меня буквально шокировало то, какими бессмысленными были мои и чужие попытки изменить этих людей, и насколько глубоко их ранили некоторые мои слова. Когда я возвращалась к тем же конфликтным эпизодам, но «жила» эти события уже от своего лица, я снова была непоколебима в своих убеждениях, и не знала другого спо-

соба выразить свое негодование, и изменить ситуацию, чем сказать и сделать то же самое, что и было сделано ранее. Раньше я была уверена в своей правоте, теперь же я совершенно не могла разобраться, были ли вообще правые и виноватые.

Кроме того, было еще одно темное и непонятное место в моей душе. Когда я впервые читала «Преступление и наказание» Достоевского, то с определенного момента вместо того, чтобы читать, я начала жить жизнью героя, и впоследствии меня донимали навязчивые состояния, в которых я чувствовала себя Раскольниковым, и терзалась от чувства ущемленной гордости, отчаяния, жалости к себе, омерзения и ненависти к проклятой старушонке процентщице. Достоевский был настоящий гений, он сдвигал свою точку сборки (маги видят человека как светящееся яйцо, имеющее сзади яркую точку, от положения которой зависит восприятие) в новые положения, и детально описывал состояния своих героев. Я же, за счет необъяснимой подвижности своей точки сборки, и за счет силы его гения, получала точно такой же сдвиг, и впоследствии моя точка сборки самостоятельно возвращалась в то же место, что и вызывало тягостное раздвоение личности. Этот роман захватил мою душу, Раскольников каким-то непостижимым образом жил во мне. Осознавая свой шанс освободиться от этого, я перечитала, а затем в деталях снова прожила жизнь этого иступленного и бесконечно индульгирующего в своем чувстве собственной важ-

ности несчастного студента, а заодно и Свидригайлова.

С самого детства, стоило мне увидеть даже самую маленькую гусеничку, я начинала визжать, и все мое тело содрогалось в конвульсиях. Я нашла и прожила заново эпизод, который произошел со мной в раннем детстве. Мы с сестрой поймали двух зеленых гусениц, положили их в спичечные коробки и играли с ними, заставляя их ползать наперегонки. Потом мы подбежали к костру, и бросили в него свои коробки. Через какое-то время мы палками достали свои коробочки, и открыли их посмотреть на гусениц. Одна гусеница лежала без движения. Но когда я открыла другой коробок, гусеница резко встала на дыбы. Она перебирала лапками и кричала мне всем телом проклятье. Вмиг я ощутила ту боль, жар, и отчаяние, которые охватили ее там, в коробке, поняла, что я сделала, и испытала ужас и отвращение к себе. Я конвульсивно закрыла коробок и снова бросила его в костер. С тех пор гусеницы стали мои кошмаром, мне снилось, что я либо лежу в ящике, и они ползают по мне, либо что черви ползают внутри меня, и выползают наружу, а я бьюсь в истерике, не зная, что предпринять. После тщательного анализа, я поняла, что отвратительны не гусеницы, а мой поступок, дважды сделала очень подробный перепросмотр этого эпизода, раз сто вслух самым серьезным и искренним образом просила прощения у этой гусеницы и обещала хорошо относиться к этим удивительным созданиям, пока не поняла, что она каким-то образом наконец-то простила меня. С это-

го момента ночные кошмары и истерические судороги при виде гусениц у меня прекратились.

Мне удалось так же с легкостью преодолеть тупиковые эмоциональные привязанности к людям, тянувшиеся больше десяти лет, и не имеющие в моей жизни никаких перспектив на возможность каких бы то ни было отношений. При мысли об одном из таких людей, его звали Андрей Тюрин, эмоции затмевали мой разум, сердце колотилось, и кровь шумела в ушах. Не в силах внятно определить своих намерений, я звонила ему, и с замиранием сердца, читала по бумажке все, что собиралась сказать на протяжении нескольких недель. После перепросмотра своих отношений с ним, я в качестве самопроверки позвонила ему, и без бумажки, и без замирания сердца поговорила с ним, пока не поняла, что ни разговор, ни сам человек меня больше не интересует.

Но отношения с Димой, с которым я была знакома 8 лет назад, упорно не поддавались этому универсальному средству, напротив, перепросмотр оживил забытые струны моей души. Я считала, что это временное явление, что Дима не должен быть уникальным, поскольку и более продолжительные и интенсивные страсти исчезли из моей души навсегда. Я считала, что моя вновь открывшаяся тоска по нему вызвана только тем, что я не до конца просмотрела свои отношения с ним, и что—то, может быть, упустила.

Я оставляла его на время в покое, перепросматривала другие события моей жизни. Тяжелые камни валились с плеч,

я избавлялась от самых непонятных и навязчивых состояний. Но Дима непостижимым образом продолжал оставаться недоступной крепостью. Я сделала самый тщательный перепросмотр отношений с ним восемь раз, я вспомнила такие вещи, на которые вообще не обращала внимания в прошлом. Почти забытые отношения, которые были актуальны 8 лет назад, с новой силой начали мучить меня, я неожиданно для себя стала рисовать по памяти его портреты, по тысячу раз за день смотреть на них, и всячески по нему томиться. Однажды у меня появилось телесное ощущение, что он идет рядом со мной. Я обернулась, и заметила таявший силуэт из воздуха, но вместо того, чтобы перепугаться, я старалась продлить ощущение счастья от его присутствия. Что еще хуже, я стала почти каждый день видеть его во сне, хотя раньше в моих снах вообще никогда не появлялись объекты моих эмоциональных привязанностей. К тому времени я была вне себя от того, с какой легкостью мне давалось искусство сновидения. Но это были именно обычные сны. Дима постоянно присутствовал в моих снах на заднем плане, то он озеленял какие-то газоны, то красил подвешенные под куполом ангара какие-то сооружения, то просто сидел на лавке, когда я проезжала мимо на машине. Если его не было, я старалась его найти, и это мне каждый раз удавалось. Увидев его, я сама к нему подходила и старалась всеми способами ему навязаться. В моих снах он всегда оставался безучастным ко мне, и лишь иногда приносил за это изысканные извинения. Один

раз мне приснилось, что он пришел ко мне домой, и я показала ему его же, лежащего у меня на кровати в состоянии комы, и он слился с самим собой под моим руководством. Все это вызывало во мне тягостные ощущения. Я знала, что таким образом привлекаю вредных и опасных лазутчиков из других миров, которые появляются во снах под видом знакомых людей. Я знала, что моя новая одержимость Димой, мои попытки освоить искусство сновидения наскоком, недостаток опыта, техники, тренировки и трезвости ставили меня в положение чрезвычайной опасности, но, тем не менее, я продолжала потакать себе в своих чувствах и никак не хотела остановиться.

Тогда я видоизменила практику сновидений, стараясь уделять внимание не новым возможностям тела сновидения, а тренировке устойчивости внимания. С новой силой я начала следующий этап перепросмотра. Теперь я каждый день я забиралась в ящик из-под телевизора (согласно рекомендациям, подробный перепросмотр следует проводить в ящике или в пещере), и проводила в нем все свое свободное время. Иногда мне нравилось в нем, иногда мне было в нем тесно и неудобно. У меня возникла стойкая самоидентификация с этим ящиком, основанная на том, что я всегда, всю свою жизнь не уставала смотреть только на себя, и интересовалась только собой, хотя и догадывалась, что там, за пределами ящика есть огромный мир, полный тайн и загадок. Однажды я выбрасывала мусор, и увидела возле мусорных баков похо-

жий ящик из-под телевизора. В нем были гнилые картофельные и помидорные очистки, шелуха от лука, и прочий такой мусор. Так же там были новенькие красивые пустые бутылки. У меня даже возникло желание их достать. Я постояла у этой коробки, усмехнулась и сказала себе: «Жан, это ты». На протяжении всей жизни мы копим в себе всякий мусор, с которым ни за что не хотим расставаться, как будто это и есть самое настоящее сокровище. Только освободив в себе место, очистив себя от хлама ненужных переживаний, мы можем стать теми, кто мы есть, в самом деле – магическими существами в неизвестном и таинственном мире. В противном случае мы так и будем оставаться мусорными корзинами, пока смерть не разрушит нашу оболочку, и весь мусор не высыплется наружу.

Перепросмотр настолько трансформировал меня, что от моих прошлых целей и устремлений почти ничего не осталось, я уже не знала, зачем я во все это ввязалась, но было уже слишком поздно – намерение древних магов уже полностью овладело мной. Для меня было бы невозможно вернуться к своей прежней жизни. К тому же мне не нравилась моя озабоченность отношениями 8 летней давности: даже если бы нам снова суждено было бы встретиться, я не смогла бы найти для него места в своей жизни. Дима, реальный человек из плоти и крови, стал бы для меня еще более опасным существом, чем неизвестный враждебный лазутчик из моих снов.

В то время, я совершенно одержимым образом пыталась остановить внутренний монолог. Для этого я каждое утро писала на листочке «Содержание внутреннего монолога», ставила дату, и ниже писала свой стандартный список из 10—12 пунктов. Весь день я отслеживала то, о чем я думала, тут же прекращала думать, и ставила точку напротив соответствующего пункта из списка. Поначалу меня это забавляло, но затем я пришла в ужас, поскольку в течение недель мои мысли бесцельно вертелись по кругу, внутри этого списка, не добавляя ничего нового к тому, что я уже знала. Я была шокирована собственным убожеством и узостью своих интересов. Постепенно я уменьшила количество пунктов и без того в коротком списке до минимума. В результате у меня начали появляться очень странные состояния, когда я вообще не могла определить, кто и о чем говорит в моей голове. Казалось, я должна была испугаться, но мое намерение было непреклонно. Я лишь добавила еще один пункт в свой список, обозначив его как «неопределенные состояния сознания» и научилась прекращать это тоже. Я научилась сохранять внутреннее безмолвие довольно долго, иногда оно приходило самопроизвольно. Но в основном я продолжала бесконечно индульгировать в своих чувствах к Диме. Я спрашивала себя, почему мне не удается никак избавиться от своих навязчивых состояний, связанных с ним. Через определенное время в момент внутреннего безмолвия я услышала свой голос. Это был не тот голос, который я никак не могла

заставить в себе замолчать, он неизменно был моим, я это знала, и шел он из каких-то неведомых глубин. «Это карта». В то время я как раз перечитывала Кастанеду, то место, где объяснялось, что в жизни каждого человека есть некоторая последовательность событий, которая является картой, она содержит в себе все, что должно случиться в дальнейшем. В книге требовалось сделать подробный пересказ событий, чтобы разгадать карту. Я уединилась, и тут же перед зеркалом сама себе в голос рассказала все события в подробностях от начала и до конца. Кое-что прояснилось, но мои чувства опять не увяли.

Раз это карта, я решила, что я должна разгадать ее самым серьезным и скрупулезным образом. Для этого я стала честно, подробно и безжалостно записывать свои воспоминания. Сначала подробности этих событий ставили меня в тупик, когда я о них писала, я никак не могла понять, что они могут обозначать, как такие незначительные и совершенно непонятные детали могут быть отражением событий будущего. Но затем интерпретация, ясная, четкая и окончательная приходила сама по себе, и я была уже в плену своей карты, я разгадывала ее с такой страстью, что забыла уже и о Диме, и о борьбе с внутренним монологом.

Искусство сновидений за счет моей одержимости, а так же за счет вмешательства неорганических существ, давалось мне довольно легко, но искусство сталкинга оставалось для меня непонятным. Оно представлялось мне как бесконеч-

ная клоунада, я безуспешно пыталась принести в свою жизнь принципы сталкинга, описанные в книгах Кастанеды. Единственно понятным был мне последний принцип, который меня сразил наповал: «воин никогда не выставляет себя на первый план». Я всю жизнь была выскочкой, поэтому мне пришлось вставить на место свою отвисшую челюсть и круто развернуть свое поведение. Я снова и снова, каждый день читала как отче наш принципы сталкинга, и старалась перед каждым своим действием собрать их воедино, но они разбредались. Я не знала, как отбросить все лишнее, что значит быть отрешенной, и в то же время быть нацеленной на успех. Я путалась в словах, и не могла понять, было ли то, что я делаю, сделано согласно этим принципам, или же я опять чего-то не понимаю. Карта многое прояснила, и позволило ухватить тот смысл, который все время выскользал у меня между пальцев.

Изучение карты полностью поглотило мое внимание, а когда я закончила первую часть, я решила, что она полностью расшифрована, и мне стало абсолютно все равно, что с ней делать. Сначала я хотела опубликовать ее в качестве книги, я продолжала надеяться, что, оформив свои чувства в такой изысканной манере, я смогу тем самым сделать Диме подарок, и выразить ему, таким образом, благодарность за нашу встречу. До самого конца я продолжала надеяться на возобновление отношений, и хранить в своей душе самые светлые чувства к нему. Я очень хотела научить его чудесам, ко-

торые перестали быть для меня невозможными. Но последний разгаданный кусок карты убил во мне все надежды – мы с ним оказались вовлеченными в правило, которое не возможно не изменить, не обойти. Осознав безнадежность ситуации, я потеряла интерес. Мне стало безразлично, что делать с этой книгой, подарить ее Диме или не подарить, опубликовать ее или же вообще удалить.

Чтобы решить, что делать дальше, я бросила монетку (орел удалить, решка – опубликовать). Я взяла пять копеек, зажала между ладонями и потрясла. Перед тем, как бросить ее, монетка сама вылетела у меня из рук. Решка. На следующий день мне показалось, что лучше было бы все-таки просто удалить эту книгу, и я решила еще два раза бросить монетку, чтобы проверить судьбу трижды. И два раза подряд опять выпадала решка. Немого погодя я подумала, что монетку я бросала вчера, и это может не считаться, а сегодня я могу кинуть монетку в третий раз. Я бросила еще раз эти проклятые пять копеек и снова вылетела решка.

Эта книга существует, и, похоже, не я решаю вопрос о ее публикации. Я не боюсь сделать себя еще большей дурой, чем я есть на самом деле, и я не могу уже ничего принимать всерьез, ни себя, ни свою карту. Как бы искренне, страстно и глубоко она не была мной изучена, в настоящий момент в ней нет для меня ничего важного. Маги не должны цепляться и не должны ничего защищать, поэтому нет смысла прятать или оставлять себе свои записи, тем более, что

они личные и безличные одновременно. Карта, хотя и является описанием событий моей личной жизни, но она отражает только абстрактное, то, что стоит над событиями и мелочными страстями. Нет никакой важности в описании моих личных качеств, или желаний, нет важности в описании моих действий, или действий других людей. Важно лишь то, что я смогла увидеть и показать игру и проявление духа, абстрактного начала, которое незаметно присутствует в каждой человеческой судьбе.

Если позволит сила, эти записи будут опубликованы. Может быть, так я еще раз смогу сказать спасибо человеку, который был когда-то мне бесконечно дорог.

0.

Я считаю необходимым повторить здесь принципы сталкинга из книги Карлоса Кастанеды «Колесо времени». Там они представлены в самом точном и сжатом виде.

«Искусство сталкинга – это совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любых мыслимых ситуаций».

«Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки».

«Отбрасывать все лишнее – второй принцип искусства

сталкинга. Воин ничего не усложняет. Он нацелен на то, чтобы быть простым».

«Всю имеющуюся в его распоряжении сосредоточенность он применяет к решению вопроса о том, вступать или не вступать в битву, так как каждая битва является для него сражением за свою жизнь – это третий принцип сталкинга. Воин должен быть готовым и испытывать желание провести свою последнюю схватку здесь и сейчас. Однако он не делает этого беспорядочно».

«Воин расслабляется, отходит от самого себя, ничего не боится. Только тогда силы, которые ведут все человеческие существа, откроют воину дорогу и помогут ему. Только тогда. Это и есть четвертый принцип сталкинга».

«Встречаясь с неожиданным и не понятным, и не зная, что с этим делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-то другим. Тут годиться все, что угодно. Это – пятый принцип искусства сталкинга».

«Шестой принцип искусства сталкинга: воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда – это вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения».

«Чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо использовать все остальные принципы, – он сводит воедино предыдущие шесть. Сталкер никогда не вы-

двигает себя на первое место. Он всегда выглядывает из-за сцены».

Искусство сталкинга не является лицемерием и не является способом манипулирования над людьми, как это часто и ошибочно интерпретируется различными последователями книг Кастанеды. Для воина нет больше активных связей с миром людей, которые делали бы его хоть как-то заинтересованным в результате их взаимодействий и взаимоотношений. Сталкер вынужден выслеживать себя и играть роль, не потому что он другой, скрывающий за маской свое истинное лицо и свои настоящие цели, а потому, что он никто, и потому что у него больше нет никаких целей в мире людей. Поэтому он вынужден перед другими людьми каждый миг притворяться.

Часть 1. Лесные поляны. Стук духа

1

В «Лесных полянах» заканчивалась смена, был последний день. Утро было довольно ясным, после завтрака все вокруг были заняты сборами. Дети, под руководством Татьяны Владимировны, моей воспитательницы, без спешки и суеты снимали белье с кроватей, сворачивали матрасы, работа шла полным ходом. Обжитое, привычное помещение пустело и наполнялось атмосферой отъезда. Я бесцельно шаталась поблизости. Сумку свою я уже собрала, обязанности по отношению к детям с самого начала смены целиком на себя взяла воспитательница. Она легко, свободно и естественно делала абсолютно все, к тому же ни она, ни я не видели применения моим силам. Мы жили с ней вместе, были в прекрасных отношениях, ведь она была молодой, 28 летней умной спокойной красивой женщиной, которая ничего не принуждала меня делать. Праздность, безответственность и хорошие отношения со всеми делали мою жизни в лагере веселой и приятной. Отношения с воспитательницей были легкими и непринужденными, я говорила ей, что мне повезло с такой воспитательницей, как она, она говорила, что ей повезло с вожатыми – со мной, и особенно с Серегой. Сере-

га был деревенский парень, ему приходилось жить в палате мальчишек. Он активно, со значением, воспитывал и организовывал наших детей.

Наконец я заметила, что вожатые стали сбиваться в кучку возле одной из лавочек, я пошла и села туда же. Ольга, вожатая второго отряда, толстенькая, веселая, живая, и активная девчонка, повернулась ко мне и спросила, что это у меня на подбородке. Вчера еще до ужина, я, за каким то чертом, теребила в руках травинку, и провела ею себе по подбородку. На травинке оказались какие-то зубцы, о существовании которых я не предполагала, и они оставили у меня на подбородке длинные параллельные царапины шириной с эту травинку. Я, не желая подробно объяснять такую мелочь, без длинных разъяснений ответила, что поцарапалась об траву. Судя по всему, мой лаконичный ответ оставил всех в легком недоумении. Дима только что подошел, в отличие от вчерашнего, он был выбрит и свеж, мой взгляд, и одновременный вдох разбудил в груди какое-то острое живое чувство, рвавшееся к нему навстречу. Он услышал наш разговор и слегка отвернул голову, и я поняла, что он единственный, кто понял это мое высказывание, к тому же понял его не правильно. Я не стала ничего разъяснять. Мне почти всегда было неважно, что думают обо мне другие. Я вообще никогда не стремилась к стандартизации мнений окружающих относительно меня, к тому, чтобы их впечатление совпадало с моим собственным представлением о самой себе. Поскольку мое мне-

ние о себе субъективно, я считала, что не могу брать себя за точку отсчета, даже относительно самой себя. По той же причине другие люди так же не были для меня точками отсчета. И согласно этим предположениям, я позволяла себе вести себя, как попало, в основном так, как мне того захочется под влиянием изменчивого настроения. Воин не может морочить себе голову такой чепухой, ради своего выживания он обязан действовать эффективно, и единственным эффективным способом взаимодействия с окружающим миром является практика искусства сталкинга. Искусство сталкинга позволяет намеренно удерживать точку сборки в фиксированном положении. В противоположность тому, чтобы резко метнуться в другое место и время, как часто случается во снах, сталкер намеренно использует тот момент, ту обстановку и то окружение, в котором он находиться сейчас с максимальной эффективностью, потому что это все, что у него есть.

Солнце просыпалось, становилось теплее, вожатые начали постепенно разбредаться по отрядам переодеться, я тоже пошла взглянуть, не нужна ли где моя помощь. Под незаметным руководством Татьяны Владимировны, все было практически готово к отъезду. Мое участие опять было не нужно. Приготовив чай, и посидев напоследок со своей воспитательницей, я вышла из отряда. Вожатые снова стали собираться уже на другой лавочке, и я вновь направилась к ним. Я сидела на лавочке, все обменивались адресами. Записывая

свой адрес в разные тетрадки и блокноты, я вцепилась глазами в запись, оставленную Димой вверху страницы. У меня перехватило дыхание, я вбирала в себя его неровный почерк, стараясь запомнить его адрес. Он сидел справа, и когда я оставляла свои координаты, и он намеренно театрально смотрел мне через плечо, так же читая, и, как будто запоминая мой адрес. Я повернулась на него, и он совершенно обворожительно улыбнулся, «как бы» смущаясь, что я застукала его за таким занятием. Я испытала мгновение счастья, и одновременно нервозности. И я поспешила подробно разъяснить всем, кто стоял рядом, что найти меня очень просто, поскольку живу я в единственном в городе Доме Бракосочетания, и что я буду безумна рада новым встречам, если кто вдруг пожелает меня найти.

– Что, прямо в этом доме? – спросила меня Татьяна, которая стояла напротив меня.

– Да, в этом доме! квартира 146. Это второй подъезд. – отчетливо чеканила я.

Я всегда неосознанно предполагала, что если я не буду стоять посреди оживленной дороги, размахивать руками, подпрыгивать и кричать во всю глотку: «Я здесь!!!», то обязательно упущу в жизни свой единственный и крайне важный шанс. Всю свою последующую жизнь я придерживалась именно этой стратегии. Я выкладывалась на полную катушку в своем стремлении где-нибудь высунуться. Я имела манеру постоянно задавать массу вопросов, переби-

вая новым вопросом и вообще не слушать ответ. Я посещала всевозможные форумы, конференции, просиживала в чатах и icq, лишь бы не упустить этот гипотетически важный шанс. На встречах с кандидатами в депутаты, представителями власти и заезжими учеными я непременно вставала, чтобы задать какой-нибудь вопрос, до которого мне не было никакого дела. Иногда меня трясло от страха перед огромной аудиторией, но я справлялась со своим неудобством. Суть того, что я делала, заключалась в том, чтобы выпрыгнуть и крикнуть: «Я здесь!». Как правило, я привлекала лишь пустой и праздный интерес у некоторых случайных людей, которые раздражали меня своей назойливостью и неопределенностью своих целей, но я почему-то была уверена, что если я не буду постоянно высовываться, то что-то очень важное не заметит меня и пройдет стороной. Воин напротив, должен уметь сливаться с окружением и быть незаметным.

Наши вожатые стали собираться вокруг, у некоторых были в руках какие-то бумаги. Я спросила, что это у них такое. Они мне показали свои характеристики с оценками, которые нужно было показывать в институте, как подтверждение того, что они провели педагогическую практику в лагере. Впервые до меня дошло, что до этого самого момента мне не приходило в голову, как я буду отчитываться в институте о своей педпрактике. Пока я выясняла, где можно взять такие бумаги, собравшиеся разбрелись.

Медленно, но неотвратимо надвигалось время отъезда.

Мы все получили сухие пайки, в которых были вафли, печенье и, что порадовало, сгущенка. Под руководством воспитателя, дети наши построились, и мы направились к воротам. Утро внушало оптимизм, и в суете совершенно не было никаких предпосылок для сожалений или жалости к себе. Дети сели в автобус, и некоторых девочек пробило на сентиментальность, они начали в голос рыдать и лить слезы. Мы с Татьяной Владимировной с добрым юмором предлагали им не тратить сил понапрасну и вспомнить, как недавно они же плакали по маме и хотели домой. Автобус заполнился, и я вместе со своей лагерной подругой Светой, вожатой из отряда напротив, встали в хвосте автобуса, потому что сидячих мест для нас не хватило. Дорога была недолгой, и мы не успели устать. Мы стояли с ней, смотрели через заднее окно автобуса на пыль, которая поднималась вслед, на череду автобусов, шедших за нами и на удалявшийся лагерь и разговаривали, как и полагается подругам, обо всем и ни о чем. Выехав за ворота, дети хором сказали лагерю «прощай» и нестройно начали петь. Особенно смешно было, когда буквально весь отряд хором, в стиле строевой песни начал петь популярную в то время песню Линды, заказываемую на каждой дискотеке по 10 раз.

– Мам-ма!!! Мам-марихуан-на! Это не крапи-ва, не бери её! Я и е, Я и ё, я и ё -ооооо!!!

Маленькое путешествие подошло к концу, нас выгрузили из автобуса, и вожатые вновь сбились в кучку. Женька Ма-

гурин, шустрый, крепенький невысокий паренек, с исключительным чувством юмора, объявил, что Димка, в связи с предстоящей свадьбой, теперь будет «Соленый». В смысле «С Оленой». Дима оценил шутку и смеялся больше всех. Похоже, я одна не смеялась, и в силу того, что настроение мое в городе начало приобретать мрачный оттенок, мне показалось, что Дима смеется ненатурально. После чего он попрощался со всеми, пожал мальчишкам руки и направился от нас. Он уходил. Вот так, просто и элегантно, распрощавшись со всеми, он повернулся спиной к группе, и, неся на правом плече черную сумку, направился прочь. Вероятно, он решил, что вся толпа не станет так долго смотреть ему вслед, и полукруг сомкнется. Но все стояли, и смотрели, как он уходит. Он повернулся, чтобы в последний раз взглянуть на меня. Это был пронзительный взгляд, только для меня одной. В нем я видела боль, печаль, неизбежность, и признательность. В моих глазах, скорее всего, было только одно отчаяние. От этого поступка у меня сжалось сердце, в этом жесте он проявил красоту своей натуры, свою непостижимую способность схватывать и выражать невыразимое самым простым и элегантным образом. Я была исполнена благодарности, отчаяния и благоговения, этот взгляд был одним из самых острых событий в моей жизни. Это был почти подарок. Он сделал быстрый прощальный жест рукой, повернулся и ушел.

2

Находясь все еще под впечатлением его глаз, я села на трамвай, приехала домой. Дома был беспорядок, меня никто не ждал, и мне нечего было делать. Впереди было еще целое лето. Первым делом, я, конечно, искупалась, постирала свою одежду, выстирала щеткой джинсы и развесила все на балконе. Сразу же нашлись дела по дому, я принялась наводить порядок, пылесосить и убирать вещи. Вечером все приняло более-менее приличный вид, я посмотрела какую-то ерунду по забытому уже за месяц телевизору и легла спать.

О чем я думала, когда засыпала. Возможно, о человеке, за которого я никогда бы не отважилась выйти замуж. (У Димы было заведомо невысокое финансовое положение, молодым было негде жить, а мне было нужно, чтобы финансовые и хозяйственные вопросы в семейной жизни для меня вообще не существовали). И который неизбежно жениться через месяц на девушке, которую он любит. Я думаю, что он понимал, что в его присутствии у меня зашкаливало все: чувства, эмоции, мыслительные процессы и физические реакции. Я была полностью мобилизована и каким-то шестым чувством могла знать о его приближении.

В свои 22 года он был действительно очень красив, и сочетал в себе телесную красоту, изумительное изящество и яр-

кую сексуальную энергетику. Его юмор и его талант к импровизации были непередаваемыми, я цитировала его фразы практически до сих пор. Единственное, что могло вызвать в нем улыбку, это то, что в момент максимального веселья он начинал ржать, как конь. Своим недостатком он всерьез считал мягкое произношение буквы «р», мне же наоборот это нравилось, это придавало ему особый шарм за счет бархатистого тембра голоса. Дима в своем поведении был безупречен со мной, он был галантным, а я тратила всю свою личную силу, чтобы услышать от него изысканный комплимент, и однажды он даже сам пригласил меня на танец. Я нравилась ему, но все это не давало мне ни одного шанса, чтобы хоть когда-нибудь быть с ним.

Один раз я рыдала от жалости к себе перед ним и рассказывала ему разные глупости про то, что любимый парень меня бросил, и что я даже будто бы умудрилась сделать аборт. Я была просто в отчаянии, и не знала, какую глупость еще придумать, только бы усугубить чувство жалости к самой себе. Но на все это представление он мне ясно сказал: «Я люблю Олену», ведь он с самого начала смены не скрывал того, что у него планируется через два месяца свадьба. Он не давал ни поводов, ни надежд, и иногда очень тонко и артистично иронизировал по поводу моих действий. Я была благодарна за любое внимание.

Ольга (Олена), его невеста, приезжала к нему в лагерь. Объективно она была красивее меня, у нее были роскошные

темные волосы, красивое лицо, хорошая осанка и очень эффектная фигура. Я же была хуже, пусть красивая и обаятельная, но всего лишь маленькая худая брюнетка, от излишнего усердия в учебе левое плечо у меня было выше другого, у меня была привычка ходить свесив голову вниз, и от воды в лагере у меня пошло раздражение на коже в виде каких-то красных уплотнений. Ольга тоже училась в институте, так что в этом плане я никак не могла быть интереснее ее. С Димой – высоким статным блондином они действительно очень красиво смотрелись вместе, я смотрела на них просто до неприличия долго и чувствовала себя вторым сортом. Я не знала Ольгу лично, но вполне вероятно, что и внутренне она была лучше меня. Мне всегда было наплевать на других, и в то же время мне до каждого было дело. Я была эмоциональная выскочка и истеричка, а в лагере я к тому же пила, курила и материлась, короче, выпендривалась по полной программе.

Я действительно была хуже, и я ничего не могла сделать, и это незаметно усугубляло мое отчаяние. Ведь тогда для меня нормой жизни было всегда и во всем быть первой: я всегда училась лучше всех, а на факультете я считала, что только одна девушка – Анжела была красивее меня, но и то некоторые нас с ней путали. Я все время давала надежды разным парням, которые я никогда не оправдывала, и они бегали за мной косяками. А теперь я готова была скользить безмолвной тенью за Димой на почтительном расстоянии,

лишь бы только видеть его.

У меня не было ясных целей относительно Димы. Я не хотела расстраивать его свадьбу. Я точно знала, что не хочу быть его женой. Я знала, что от меня будет мало толку в хозяйственных вопросах, и вопрос содержания семьи в первое время тоже полностью лег бы на него. В этом смысле ему и мне было бы очень тяжело, я непременно обрушила бы на него непрекращающийся поток слез, жалоб и претензий и он бы забыл, из-за чего собственно мы решили бы быть вместе. Развивать наши с ним отношения после его свадьбы было бы слишком глупо, это ставило бы под удар его семейное благополучие, а для меня при такой одержимой страсти к нему строить новые отношения с кем-то еще с целью замужества было бы невозможно. Единственное, что можно было сделать в этой ситуации это красиво расстаться.

Но я не хотела с ним расставаться! Как именно можно было бы это реализовать, я не знала, ведь это было невозможно. Но, тем не менее, до настоящего момента я затрачивала на реализацию этого нежелания все свои силы и возможности, я цеплялась и боролась до последнего. Даже отказавшись от борьбы, и осознав непоправимость ситуации, я в фоновом режиме продолжала свято беречь память о нем, и считала нужным беречь ее всегда. Я всегда придавала несуществующую важность своим чувствам и считала их достаточным и иногда даже единственным основанием для действий. Действия без всякой цели, под влиянием момента по пер-

вому побуждению, имеющие в основании своем только бесконтрольные чувства являются самым вредным и бессмысленным расточительством. Любовь – это еще не все, на что способен человек в этом мире.

Утром я достала телефон Диминого друга, который этот друг успел всучить мне при весьма забавных обстоятельствах в лагере, когда приезжал к нему в гости. Все вожатые стояли в кругу, Дима рассказывал об аморальном поведении некоторой «Жанны», которую он когда-то знал, все смеялись до упада. Я пыталась встать рядом с ним, но он каждый раз изящно поворачивался ко мне спиной, а поскольку он был рассказчик, то я все время оказывалась вне круга. Все были поглощены его юмором и экспрессией, никто не обращал на меня внимания. Наконец меня взбесило, что он видел мои старания и нарочно не давал мне попасть в круг, я повернулась и галопом побежала к себе в отряд. Он вместе со своим другом бросились меня догонять! Я бежала и смеялась над собой, потому что я кинулась бежать, и самое главное, двое парней тоже помчались за мной! На веранде его друг догнал меня и на бегу сунул мне бумажку с номером своего телефона. В дверях я остановилась, они добежали и встали передо мной. Дима изумленно кричал: «Жанна!», а его друг кричал мне: «Ты позвонишь?». Я со смехом захлопнула перед ними дверь.

Я знала, что тот парень серьезно запал на меня. Я не хотела расставаться с Димой, и готова была уцепиться за любую

возможность, пусть даже быть фиктивной девушкой его лучшего друга. Сама не зная, чем все это закончиться, я просто ему позвонила. Трубку взяла женщина, видимо мама, я представилась и оставила свой адрес, поскольку у меня не было телефона. Я попросила передать, что я звонила. Затем я отправилась по каким-то делам, в том числе и в институт, где мне вручили бланк отчетности за педагогическую практику. Я прошаталась по городу до четырех дня, и когда я вернулась, соседка сказала мне, что какой-то парень приходил ко мне 4 раза. Четыре раза! Это было впечатляюще, столько раз за день ко мне еще никто не приходил.

Вечером он пришел еще раз. Я извинилась, что ему пришлось столько раз меня искать. Он сидел на диване, я сидела напротив, на стуле, развернув спинку стула к нему. Он был среднего роста, довольно смазливый на лицо, но без особой энергии, без особого интеллекта, не придурок, не разгильдяй и не блаженный, просто спокойный троечник, тихо хихикающий над разными хитроумными проделками. Работал он медбратом на скорой помощи. Он говорил о цинизме медиков, рассказывал мне о своей учебе в медучилище. Рассказывал о том, что перегородка между женским и мужским отделением в туалете у них там была из прозрачного стекла, и как поначалу это шокировало первокурсников. Но в последствии все привыкали, и никто уже не обращал на это внимания, пока не появлялись новые первокурсники, над которыми потешались старшие курсы. Рассказывал о смеш-

ных ситуациях на выездах, о том, как притупляется ощущение жалости к человеческим страданиям и о специфическом юморе медработников. Я была озабочена квартирным вопросом, и спросила его о возможности поиска одиноких пожилых людей с тем, чтобы оформить над ними опекунство с последующим приобретением жилплощади. Гость мой сказал, что подобная возможность уже обсуждалась с Димой, и что в первую очередь, если представиться возможность, он сообщит о ней Диме, согласно их договоренности. Я расспросила об их дружбе. Дружили они с детства, и поскольку обоих звали Димами, и обоих Николаевичами, то его самого все звали Митя, а Диму иногда он, как истинный медик, в шутку называл Димедролом.

С особой теплотой он отзывался о его маме, и я не могла с ним не согласиться. Любовь Александровна была с нами в лагере, в самом деле, она мне очень понравилась.

В конце концов, я сказала, что мне нужно съездить в лагерь, чтобы заполнить бланк отчетности. Дима сказал, что и сам собирался туда поехать. Поскольку я не знала, как туда можно добраться (началась новая смена, и расписание курсирующих машин изменилось) мы решили в субботу утром поехать вместе.

В пятницу вечером он пришел снова, принес коньяк. Мы ушли на кухню. Мне абсолютно нечего было поставить на стол, кроме бокалов, чая и варенья, вишневого и клубничного. Я смущалась из-за такой нищеты, и постоянно дер-

галась, из-за чего все проливала на стол, и нервно бросалась за тряпку. Демонстрация моей чистоплотности нервировала меня еще больше. Мы поболтали еще, о Розенбауме, о медицине, о кое-каких шутках и проделках у них в бригаде. Ничего нового не добавилось, я почти что официально проводила его до двери, и кажется, он понял, что нежной любви между нами не будет никогда.

Днем мы встретились, и, добравшись на автобусе до нужного места, вышли и пошли по дороге пешком, надеясь, что нас подберет какая-нибудь попутная машина. Я в первый раз в жизни отправлялась куда бы то ни было таким способом. Дима напротив, говорил, что путешествовал так довольно часто. Я была в своих любимых коричневых джинсах, белых кроссовках, синей майке и серой спортивной кофте из очень приятного и мягкого материала. В карманах у меня был тот самый бланк и немного денег. Больше я не взяла ничего. Дима вез какие-то продукты в качестве презента.

Совсем скоро мой спутник остановил переоборудованную скорую помощь, и нас посадили в раздолбанный салон. Я смотрела на обстановку внутри салона, на нелепо расставленные ящики, и мы почти не разговаривали.

Приехали мы прямо в лагерь, вместе подошли к дворцу, месту, где всегда собирались вожатые. Здесь мы разделились, и я пошла в отряд повидать Татьяну Владимировну, которая осталась еще на одну смену, а Дима пошел по своим делам. Воспитательница моя улыбаясь, приветствовала ме-

ня, взяла бланк, и сказала, что сегодня обязательно напишет характеристику. И углубилась в свои дела. Меня неприятно поразил тот факт, что она не предложила мне остаться переночевать в ее отряде, поскольку я приехала в конце дня, и я сказала ей, что, может быть, уеду завтра. Напрашиваться я не стала. Беспокоиться о ночлеге не пришло мне в голову. Я пошла во дворец.

Димина мама тепло приветствовала меня, я чувствовала, что такое проявление внимания явно ничем не заслужено с моей стороны, и мне стало несколько не по себе. Я рассказала ей, зачем и почему я приехала, и мое объяснение было принято, тем более, что оно было правдой.

Затем я зашла в комнату, где были Алеша и Дима. Леха, черненький, высокий и симпатичный парень 23 лет, бывший в лагере еще с прошлой смены специалистом по теле и радио аппаратуре, приветствовал меня весьма дружелюбно. Дима тенью скользил на заднем плане. Он даже не взглянул на меня, и вышел. Резко оборвалась какая-то неизвестная струна, во мне все обмякло. Я села, ни в силах, ни думать, ни разговаривать, ни шевелиться. Я сникла, скукожилась, свесила голову. Вдруг сразу, резко и сильно заболела голова, так, что больно было раскрыть глаза. Я оперлась локтями о стол и всунула голову между рук, закрыв глаза руками. Леха не вынес такого жалобного вида, подошел и сочувствующе провел рукой по моим распущенным волосам.

– Жан, ты что, что с тобой такое? – он явно сочувствовал

мне и пытался хоть как-то помочь.

Еще несколько человек зашли в комнату и видели, как я сижу, но мне не было никакого дела. Голова раскалывалась на части. Отчаяние сжимало горло и виски.

– У меня голова болит, Леш, – хмурясь, ответила я, и в тот момент это было правдой.

– Магнитные бури, наверное, у меня самой с утра голова болит, – то ли утешая, то ли защищая меня, сказала Любовь Александровна и вышла. Я была благодарна, за то, что она это сказала, и мне стало стыдно за себя, я не знала куда провалиться. В глубине души я догадывалась, что всем все было понятно, но я изо всех сил старалась, чтобы никто, а уж тем более Любовь Александровна, ничего не подозревал о моих чувствах. Я всегда смеялась над спектаклями «как мне плохо», которые устраивала моя одноклассница. Она специально не спала по ночам, чтобы иметь круги под глазами, картинно страдала на уроках, и писала подробный содержательный дневник о своих любовных страданиях, который в обязательном порядке давала читать всем подругам, и мне, в том числе. И старалась вовлечь как можно большее количество людей во всю эту бессмыслицу.

Проторчав еще немного, я пошла в отряд за характеристикой. Мне было на все наплевать. Состояние тупой головной боли, и всеобщего безразличия, в основном к себе, поглотило меня. Татьяна Владимировна сказала, что характеристика еще не готова, поскольку она не знает, что писать. Я спроси-

ла, какую оценку она мне поставит. «Четверку», – ответила мне она, и объяснила, что пятерку она поставила Сереге. Я согласилась, он действительно много и ответственно работал с детьми. Поскольку никто мне так и не предложил остаться переночевать, я хотела уехать сегодня же. Вновь я направилась к дворцу, поскольку больше идти мне было некуда. Навстречу вышел Дима, мы столкнулись на площади. Он спросил, где его друг, с которым я приехала. Возможно, вопрос был не случаен. Стараясь донести до него, что до его друга мне нет никакого дела, что было абсолютной правдой, я ответила, что не знаю, поскольку не видела его с самого приезда.

Мы стояли друг против друга, у меня перехватывало дыхание.

– Дима, я попробую здесь остаться вожатой. Поговорю с Любовью Константиновной, может быть у меня получиться.

У меня голос ломался. По сути, я умоляла его, я цеплялась, как последняя дура, боялась и надеялась, одновременно не понимая, чего боюсь и на что надеюсь. Цепляться за людей без ясной цели, имея в качестве основания свои лишь чувства и эмоции, надолго стало моей основной политикой, которую я не осознавала и не оставляла никогда. Он стоял напротив, выбирая слова, стараясь не обидеть и не дать надежду.

– Это будет сложно.

Я его поняла. Ему было бы тяжело видеть меня, тем более, что Оля (его Олена), его будущая жена, в эту смену тоже была в лагере. Мне было бы непросто видеть их нежные отношения накануне свадьбы. Но я отчаянно продолжала цепляться, выискивать невозможные возможности.

– Может быть, в другом лагере?

– Скорее всего, у тебя не получится.

Это его нейтральное высказывание, обозначающее скорее деликатную рекомендацию не тратить сил, вызвало у меня взрыв отчаяния, надежды и решимости, граничащей с одержимостью, который вырвался в утверждение: «Я попробую!». На этих эмоциях я зашла во дворец, подождав немного, решила, что пора уже забрать характеристику. Вернувшись в отряд, я обнаружила, что Татьяны Владимировны нигде нет. Я зашла в комнату, в которой жила вместе с ней в прошлую смену, но ее там тоже не оказалось. Бланк лежал на тумбочке, рядом с кроватью. Я взяла его. Он оказался пустым. Я, как последняя сволочь, обрадовалась, что она не успела еще испортить его своей четверкой, забрала его и вышла. Меня никто не видел. Я пришла во дворец, взяла ручку, бумажку, и, не смотря на неутихающую головную боль, составила сама себе изумительную характеристику. Заполнила бланк, поставила себе «пять», сама расписалась и понесла к начальнице лагеря, чтобы поставить себе печать. Я не хотела больше ходить за своей воспитательницей, день заканчивался, мне нужно было куда-то определяться,

но самое главное меня не устроила оценка «четыре», хотя, если честно оценивать мою работу, я не делала практически ничего, так что «четверки» и то было бы много. Но у меня была цель – получить красный диплом. Я была почти круглая отличница, в моей зачетке на третьем курсе было всего две четверки, и хотя это было совсем для меня не критично, получать еще одну я не хотела. Я принесла бланк, начальник лагеря, Любовь Константиновна, вежливо приветствовала меня, спросила, какую оценку мне поставили, я с гордостью сказала: «пятерку!». Та меня похвалила и поставила печать. Все, аллилуйя, бля. Я была свободна.

В последствии ради карьеры я не раз еще совершала подлог, и явный и не явный. Я приукрашивала факты, которые трудно или невозможно было проверить, выбирала эффектные формулировки, которые не буквально отражали истину, если дело касалось какой-нибудь строчки в резюме. Я была одержима карьерой, мне во что бы то ни стало нужно было пробиться. Я индульгировала, что могу стать полезной Отечеству гораздо больше, чем те люди, которые в настоящий момент находятся у власти. Чувство собственной важности и вера в свои силы заставляли меня работать со страшной силой, кроме того, я всегда относилась к типу людей, которые мечтают о себе, что их ждут великие дела.

Вернувшись к дворцу, я встретила Диму, с которым приехала в лагерь. Он сказал, что вечером все соберутся во дворце на маленькую вечеринку. Ну, хоть что-то определилось,

и поскольку я была приглашена, то решила не уезжать. Совершенно неожиданно быстро стемнело, голова моя буквально разламывалась, не прекращая болеть ни на секунду, а к ночи боль настолько усилилась, что довела меня до тошноты. Страшно стесняясь и не желая беспокоить медсестру, которая наверняка уже отдыхала, я с извинениями все же пришла к ней. Та очумела, и разоралась, какого черта я вздумала ее беспокоить из-за такого пустяка, как таблетка от головы. Я глубоко раскаивалась, и действительно чувствовала себя неудобно, оттого, что потревожила человека, но боль была именно нестерпимой. Она дала мне две таблетки, я проглотила их сразу, запила водой из фонтанчика и направилась во дворец. Электрический свет в одной из комнат свидетельствовал о том, что там уже все собрались.

3

Я прошла в комнату и села на свободное место за импровизированный стол на уровне табуреток. Слева от меня был Митя, Любовь Александровна, работник столовой Санек, в углу, за Саньком, вполоборота ко мне, свесив голову, сидел Дима. Справа от меня были Леха и молодая необъятная работница столовой Ольга. Она сидела напротив своего мужа, Санька. Они вдвоем не только угощали, но и веселили всю компанию. Все выглядели усталыми, было довольно скучно. Ольга была озорной, веселой женщиной без комплексов и даже участвовала в лагерной художественной самодеятельности. В день заезда в прошлую смену на концерте она под дробь барабанов намеревалась прыгнуть на Любовь Александровну, а та драматически готовилась принять ее вес на себя. Я помню, как у меня все внутри сжалось, это был настоящий ужас, что вдруг эта вся масса в бантиках с разбега налетит на маленькую, аккуратную, невысокую женщину. На счет три, когда Ольга уже мастодонтом рванула вперед, весь зал просто ахнул. Но по сценарию зрителям полагалось крупно обломиться, и, кажется, что все тогда вздохнули с облегчением.

Олены не было с нами, но я вообще упустила из вида этот факт. Дима сидел почти что напротив меня, молчал, и вообще не собирался поднимать глаз. Я тоже сидела молча,

и практически не слушала, о чем речь. Головная боль както незаметно прошла, но состояние отупения оставалось. Я была вымотана за день, глаза еле-еле держались открытыми, голая лампочка на потолке слепила своим желтым неестественным электрическим светом даже через полуприкрытые веки. Было ясно: он игнорировал меня точно так же, как днем. Реальность резко метнулась в гротеск, фигуры людей в электрическом свете стали невыносимо нереальными, воздух натянулся, разговор и смех фантомов, вмиг заменивших людей рядом со мной, стал гулко отдаваться в соседних пустых комнатах. Через минуту мое окружение резко стало реальностью, комната сжалась до обычных размеров, фантомы снова стали знакомыми людьми, но во мне не оставалось больше ни капли жалости.

Колебания точки сборки были для меня обычным делом, реальность перемещалась в гротеск, и обратно. Часто я замечала потоки энергии, на которые никто не обращал внимания, и манипулировала ими самым бездарным образом: я не знала, что с этим делать. Я забирала энергию у других людей, просто потому, что это у меня получалось. Забирать в себя всякую грязь я не хотела, поэтому ради развлечения я шла по улице и собирала энергию всех встречных взрослых людей в камни, которые я носила с собой, до тех пор, пока эти камни не вызывали во мне всплеск страха. И тогда я, стараясь не трогать их руками, просто их выбрасывала. Иногда вместо того, чтобы собирать энергию в камни, я

заворачивала ее в огромные воронки, и направляла их к человеку, от которого я хотела внимания. Одна такая воронка вернулась ко мне, когда я про нее забыла, она несла на себе отпечаток отчаяния этого человека. От страха и неожиданности я едва не споткнулась на лестнице, когда увидела, что вращающийся конус своим основанием надвигается на меня. На основании было огромное лицо моего бывшего друга, он что-то кричал, изображение было похоже на отражение в колыхающейся воде, и я не уверена, что видела это глазами. Меня никогда не занимало, как и почему такое происходит, и не пыталась привести описание мира к общечеловеческому стандарту. Я считала разумнее не бороться за чистоту восприятия, а стараться жить и взаимодействовать в мире, в котором я нахожусь, и была полностью вовлечена во взаимодействия. В периоды особой активности колебаний точки сборки я вела подробный дневник, и считала все эти перцептуальные катаклизмы глубоко личным делом. Отсутствие жалости было для меня так же знакомым настроением.

Мне не зачем больше было смотреть на Диму, посмотрит он на меня значительно или вскользь, или же не взглянет вовсе, это все не имело больше никакой важности. Разговор как раз зашел о теме, которая по идее должна была хоть както меня задеть, поскольку за весь день ни я сама, ни меня никто не спросил, где я буду ночевать. Одну кровать предполагалось перенести и Митьку пристроить вместе с Димой. Я не стала всего этого слушать, встала и вышла на улицу.

Объективно, я знала только то, что я не могу вернуться назад в ту комнату. Остальное меня не интересовало.

Я стояла, прислонившись спиной к дворцу, слева от меня, чуть дальше, было закрытое окно, за которым в электрическом свете были видны люди, сидевшие за импровизированным столом на табуретках. Ни они сами, ни их разговоры не имели для меня больше никакого значения. Ночь, неясные очертания деревьев вдалеке, холодный ветер и огромное прекрасное небо – единственное, что было со мной в этот момент. Решение пройти к реке, и провести ночь на дереве показалось мне самым лучшим, простым и естественным в этой ситуации. Но, простояв минут десять, я поняла, что я замерзну, если буду оставаться на месте. Горло начало болеть, я была намерена оставаться здоровой, и двинулась вперед, через высокую траву, в кусты, и по небольшой тропинке я вышла на дорогу.

Это было восхитительно, у меня захватило дыхание. Дорога у меня под ногами отблескивала ровным лунным светом, я была одна, без ничего, и шла неизвестно куда по самой прекрасной земле. Очертания деревьев вдоль дороги, и далекие поля стали ясными и отчетливыми, месяц удивительно ясно освещал мой путь, я жадно, заворожено смотрела по сторонам, стараясь не столько запомнить, сколько вобрать навсегда в себя эту небывалую красоту, эти ясные, яркие звезды и плывущие рваные облака. Все, что я видела вокруг, каждая деталь, каждая пылинка на дороге, каждый

лист на дереве было полно тайны и волшебства. Дорога без начала и конца, по которой я, одна во всей этой вселенной, шла вперед, в неизвестное, без страха, без отчаяния, без сожалений и без надежд, полной лишь благоговения перед тайной и красотой окружающего мира. Я чувствовала, как мимолетно мое время пребывания на этом пути, и понимала, как я мала и недолговечна посреди этих бескрайних равнин, среди лунного света и холодного блеска звезд.

В этом настроении тайны я прошла довольно долго, пока не поняла, что удаляюсь от лагеря. Я хотела продолжать идти, но я не хотела потеряться, я не знала дороги в город, и легко могла куда-нибудь не туда завернуть на развилке, и конечно, мне потом пришлось бы еще долго брести по дороге в поисках пути.

Я представила, что я неделю буду пешком добираться до дома, повернулась и пошла в обратную сторону. Я знала, что иду в соседний лагерь, к знакомым. Мир вокруг был таким прекрасным, таким новым и незнакомым, я была зачарована деталями, и мне совсем некогда было беспокоиться о себе или о ком бы то ни было еще, например, о людях, которых я могла потревожить среди ночи. Дойдя до отряда своих знакомых, я обнаружила, что, не смотря на очень позднюю ночь, там никто не спит, и присоединилась к вечеринке. Меня были рады видеть, кормили, поили, веселили и положили спать.

Оставив всё, все дела, заботы и беспокойства, все, что

до этого было сутью меня самой, вмиг оставив всё, что я любила, всё, что было моей страстью, моей целью и моим смыслом существования, разбив весь свой мир, я обнаружила вдруг удивительный путь под звездами. Идя по нему вперед, без ничего, без сожалений, без страха, без сомнений, без надежд и опасений я обнаружила, что духу нет дела до мелочных человеческих дел, забот, страданий, отчаяния и устремлений. Отрешившись от себя, и доверившись силе, что несет и кружит мою жизнь, я вступила на путь в бесконечность, и бесконечность позволила всему, как бы само собой, устроиться лучшим образом.

4

Я проспала часов до 11, а потом отправилась навестить еще одного своего сокурсника, Стаса, который тоже работал в этом лагере вожатым. Когда я пришла к ним в отряд, у них шла генеральная репетиция номера художественной самодеятельности. На веранде сипел маленький красный магнитофон, солист, наряженный под звезду, пританцовывал, и делал вид, что поет песню профессора Лебединского: «Мы с тобой не знали сами, что же было между нами, просто ты сказала: „Я тебя люблю“». В следующих куплетах было: «Я тебя убью», и «Просто я сказал, что я тебя люблю» и «убью». На протяжении всей песни совершенно неожиданно выбегали разные персонажи, никак не связанные ни с сюжетом песни, ни между собой. Сначала выбежала маленькая девочка, она играла, путалась под ногами, а солист, не отвлекаясь от своего основного занятия, всячески пытался ее приструнить. Затем девочка убегала, и появлялся врач. Он настойчиво исполнял свой медицинский долг, а в это время солист пытался продолжать петь, попутно контактируя с врачом. Врач убегал, и появлялся спортсмен. Он бегал вокруг с гантелями, делал гимнастические упражнения, но на солиста это не производило вообще никакого впечатления, он продолжал по-своему петь. Затем спортсмен убегал, и на сцену выходила уборщица, со знанием дела ставила ведро, мочи-

ла тряпку, и начинала тщательно драить каждый сантиметр пола, постоянно шпыняя шваброй по ногам солиста, которому ничего не оставалось делать, как только подпрыгивать, и убирать ноги. И мне, и детям эта бессмыслица показалась очень веселой и смешной, мне очень понравилась постановка, и я сказала Стасу, какие они все молодцы.

Тогда я даже представить не могла, как легко и бесповоротно вся моя жизнь превратиться в такую же бессмыслицу. Подобно солисту, я буду попеременно вспыхивать то любовью, то ненавистью к узкому кругу близких людей. И эти персонажи станут для меня единственными людьми, с которыми я буду общаться в будущем. Они будут для меня чрезвычайно важны, и я ни за что не оставлю их в покое. У меня теперь есть маленькая девочка, моя дочь, и я с самого ее рождения была одержима своей любовью и заботой о ней, все мои силы, и вся моя жизнь принадлежали ей безвозвратно. Не смотря на мою маниакальную заботу о ней, она постоянно болела, и мне постоянно приходилось контактировать с врачами. И я не могла относиться к этому не серьезно. Спортсмен, с которым мы действительно почти не пересекались – муж, с которым все свое время проводил на работе и в тренажерном зале. А в образе «неугомонной уборщицы, пристрастно выполняющей свой долг» – я узнала свою маму. Мы были настолько с ней похожи в своем стремлении дать своим детям самое лучшее, уберечь от ошибок, и вразумить, что практически не замечали нелепости своего поведения.

Пророчество о том, в какое болото в будущем я сама превращу свою жизнь, было сказано в ключевом событии, которое предшествовало моей карте. Еще в самом начале первой смены, сидя у костра, Дима читал стихотворение о том, как воин-путешественник позволил вовлечь себя в несусветную глупость, пошлость и рутину.

Наплывала тень.… Догорал камин.
Руки на груди, он стоял один.
Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:
«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,
И не раз их них, в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы,
Но трусливых душ не было средь нас.
Мы стреляли в них, целясь между глаз.
Древний я открыл храм из под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озер пять больших племен,
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна,

И больна душа, тягостно больна;
Я узнал, узнал, что такое страх
Погребенный здесь в четырех стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны…»
И, тая в глазах злое торжество
Женщина в углу слушала его.

Дима умел просто и естественно вносить красоту в самые обычные действия, ночью, в лесу, в отблесках костра все были глубоко тронуты драматизмом стихотворения, но, нарушая возникшую тишину, я тут же высунулась со своим знанием литературы.

– Это Гумилев! – вставила я, Дима со мной согласился, но остальные все-таки недовольно на меня посмотрели.

Пророчество сбылось, я оказалась вовлеченной в несусветную глупость, все мои силы были отданы борьбе за общественное признание, чины и титулы. Я безоговорочно позволила себе воспринимать мелкие дрязги как глобальные катастрофы, и в итоге вся моя жизнь, полная капризов, эгоизма и суеты стала мне в тягость. В жизни сталкера, наоборот, все четко и ясно, его жизнь подчинена единой стратегии, и у него нет времени на те глупости, которые пристрастно делают люди.

Меня накормили обедом в столовой, и я, ни о чем не думая, и ни на что не надеясь по инерции направилась выпол-

нять обещание, которое я дала Диме – остаться в другом лагере вожатой. В этом лагере мне отказали, но я, отметив, как уверенно сами собой несут меня мои ноги, пошла в следующий лагерь. Директор того лагеря согласился меня принять вожатой в один из отрядов, и объяснил, что завтра, в понедельник в 10 утра в определенном месте будет стоять грузовая машина, которая возит продукты в лагерь, и я смогу на ней приехать, с вещами и санитарной книжкой, чтобы остаться в лагере. Оставалось только сказать Диме, что я выполнила свое обещание, и что его сомнения относительно того, что у меня не получиться, не подтвердились. Я пришла сказать ему, и сразу же на него натолкнулась. Мы снова стояли друг против друга. Черт, как же он был прекрасен.

– Привет, куда ты вчера пропала?

– Там в другом лагере, в «Спутнике» у меня тоже друзья по институту. Дима, я в «Дружбе» теперь буду вожатой. Пятый отряд, напротив столовой. Завтра утром приеду.

– Да? Ничего себе… Димку не видела еще?

– Нет, а что.

– Да он тоже тут ходит. Ну, я побежал, а то меня уже ищут.

– Давай, пока.

– Пока.

Мы поболтали и разбежались с невероятной легкостью. Я сказала все, что хотела, я точно объяснила, как меня можно найти. Я знала, что он ни за что сам не спросит. И даже понимала, что, имея мои координаты, он не станет меня искать.

Но все же…

Еще раньше я дала ему три других обещания. Обещание бросить курить особенно ему понравилось, и я разделалась с этой глупостью в ту же секунду.

Еще одно обещание: «Дима, я не хочу с тобой расставаться» я долгое время неосознанно выполняла до сих пор, он всегда был в моем сердце. Единственное, что мне оставалось – это сохранять живую память о нем. И я была намерена хранить ее до конца своей жизни, а может быть и дольше. И выражать, таким образом, благодарность за нашу встречу, благодарность, которую я не могла высказать иначе. Возможно, это глупо, но это лучшее, из всего, что я могла тогда сделать. Маги же напротив, должны быть текучими, они способны на самые невероятные трансформации, у них нет больше необходимости что-то держать при себе. И, как только появиться необходимость, их самые заветные обещания, и самые твердые намерения беречь и выполнять свои обещания разлетятся, как сухие осенние листья.

И последнее обещание: «Я сделаю карьеру». То ли оттого, что я одержимая тщеславная выскочка, то ли мне, в самом деле, не оставалось ничего другого, но я дала ему это обещание. Впоследствии я стала президентом одной ассоциации, и вскоре после этого встретила его. Он был так же прекрасен и свеж, как и прежде. Я сказала ему, что он прекрасно выглядит. Я рассказала ему о своей новой должности, дала ему все свои телефоны, и самым подробным образом объяснила,

как меня можно найти.

Остается поразиться точности карты: я снова выполнила свое обещание, отчиталась перед ним, и объяснила, как меня найти и мы снова с легкостью разбежались. (Разумеется, он не стал меня искать ни в том, ни в другом случае.)

Я уже уходила, как встретила того самого Диму, с которым приехала в лагерь. Сказала, что уезжаю сейчас, он ответил, что собирается побыть в лагере до вечера. Мне было все равно, ему, похоже, уже тоже. Было ясно, что ситуация между нами окончательно прояснилась – нам ничего друг от друга не было нужно. Мы по-приятельски попрощались, и я поехала домой.

Домой я ехала на «газели», и сидела впритык к молодому водителю. Рядом сидели еще двое упитанных людей лет 50. Меня поместили так, что переключатель скоростей находился у меня между коленками. Я была в джинсах, но все равно, мне было чертовски неловко, когда молодой водитель поминутно хватался за этот чертов переключатель, и двигал его у меня между ногами с самым невозмутимым видом. Он довез меня до дома. Это было слишком необычное поведение, а значит, это должен быть знак. Вероятно, он показывал мне вход в другие миры. Фокусируя внимание на матке, основном инструменте сновидения, женщины воистину способны совершать непревзойденные чудеса восприятия.

5

В понедельник, точно в указанное время я подошла к указанному месту, на котором стояло несколько машин. Там был только один грузовик, я видела такой у столовой в пионерском лагере, именно на него мне и показывал директор, объясняя, какая машина ходит в лагерь. Поэтому я уверенно подошла к грузовику. Двери кабины были открыты.

– Здравствуйте. Вы в лагерь едете? – спросила я мужичка лет 25, сидевшего за рулем. Мужичок был крепенький, невысокого роста, замызганный в смерть, как и полагается людям такого разряда.

– Да.

– В «Дружбу»?

– Да, сейчас поедем.

– Пожалуйста, возьмите меня с собой.

– Поехали.

Я влезла в кабину, села рядом. От мужика явно несло перегаром. Но деваться уже было некуда.

– Сейчас еще двое подойдут, и поедем, – сказал мне водитель.

Тут же нарисовались еще двое замызганных и поддатых, высокий жилистый мужчина лет 27 и растрепанная невысокая женщина, на вид 24 лет. Они залезли в кабину тоже, мужчина сел рядом со мной, женщина села у двери. Сидеть вчет-

вером в кабине было довольно тесно. Мы поехали. Сразу же начался оживленный разговор.

– Тебя как зовут? – спросила меня женщина. Темные волосы до плеч у нее были неаккуратно собраны на затылке в гульку, несколько прядей выбились и висели над ушами. Она была загорелая, не накрашенная, и похоже, что слегка опухшая с перепоя. У нее были карие смеющиеся глаза и круглые щеки. Она возбужденно улыбалась, сверкая золотой фиксой на левой верхней челюсти.

– Жанна, – я чертовски смутилась, оказавшись зажатой между двумя незнакомыми вкинутыми мужиками разухабистой наружности.

– А сколько тебе лет?

– 20.

– Класс. А меня Юля зовут, его (она указала на водителя) – Андрей, а его (мужчину, сидевшего между нами) Денис. Мне 24 года (я угадала), Андрею 23, а Денису 26. Мужчины оказались моложе, чем выглядели.

Когда Юля указала мне на мужчин, по дороге я смогла их рассмотреть. Андрей, водитель, был невысокий, ухватистый, круглолицый шатен с очень короткой стрижкой, с узкими, или сощуренными с перепоя глазами. Аккуратный нос, узкие губы. На казаха он был непохож, он был загорелый, с загорелыми руками, на которых были хорошо заметны выжженные на солнце волосы. Я отметила глубокие красные морщины, идущие от затылка на загорелой, вытянутой впе-

ред шее. Он был одет в рубашку не первой свежести с короткими рукавами.

Справа от меня был Денис. Он был высоким, худым и жилистым. Он так же был загорелым. У него были темные волосы средней длины. Он был старше, и по нему было видно, что он внутренне знал, что он значительнее всех присутствующих. У него было вытянутое, слегка помятое, в подсохших ссадинах, лицо, тонкий нос, поджатые губы и щетина. Глаза блестели лихорадочным блеском, в руках у него были две бутылки пива, которые он открывал. Одну бутылку он оставил себе, другую дал Юле.

– Пи – -льная ты девчонка, Жанна! – со всем сердцем, радуясь и любуясь на меня, сказала Юля, – будешь пиво?

Я была обескуражена комплиментом, мне в жизни никто такого никогда не говорил. Но тон ее мне чрезвычайно понравился, я открыто разулыбалась ей, и не смогла отказаться от протянутой бутылки. Я глотнула прямо из горла, потом Андрей забрал у меня бутылку. Обстановка становилась все более тесной, веселой и азартной. Мы ехали и они все вместе орали песни. Я сидела и только молча радовалась и поражалась на какой-то новый для меня тип осознания, свойственный этим людям, на простое и неожиданное счастье этих людей – надраться с утра, катить на грузовике и орать песни. В промежутках между песнями выяснилось, что они живут в селе, которое находится по дороге в лагерь, и что продукты они в лагерь не возят и никакого отношения к лагерю вооб-

ще не имеют. Но они были так искренни, так жизнерадостны, по-детски непосредственны, и так захвачены настроением всеобъемлющей жажды жизни, в них было столько страсти и энергии, что я почему-то не слишком беспокоилась о том, попаду я когда-нибудь в лагерь или нет.

Мы приехали на берег реки. Все с радостью выпрыгнули из машины, потому что сидеть было неудобно. Денис достал водку и пластиковые стаканы, разлил, мы встали у машины в кружок. Стали пить. Я пить не стала, не столько из-за перспективы появиться с утра на новой работе под шафе, сколько для того, чтобы не показаться доступной. Но на меня никто не обратил внимания. Немного прогулявшись по бережку, решили ехать. Пустую бутылку аккуратно поставили на пляже, стаканы забрали. Денис указал Юле на закрытый кузов и спросил – полезли со мной туда?

– Аха, щас прям, – ехать в темноте в наглухо закрытом кузове с Денисом ей не хотелось. Мы все сели так же, как раньше и поехали. Андрей втопил по газам, мы ухнули и помчались. Вместо того, чтобы ехать по дороге, Андрей начал носиться с бешеной скоростью по выжженным солнцем кочкам и пригоркам, мы втроем вопили от ужаса и счастья, Андрей один не орал, он азартно улыбался. Машину мотало и подбрасывало, мы все хватались друг за друга и за сиденья, было ощущение небывалого куража, это была бешенная непрерывная энергетическая конвульсия. Ощущение острой, бесконечной любви к этим холмам, этому бескрайнему просто-

ру, небу, вольному ветру, к этим людям, ощущение дикого страха, счастья, риска, ощущение полноты жизни. Я обезумела от радости. Я даже представить не могла, что в моей жизни может быть что-то подобное. Впереди показался одинокий покосившийся деревянный столб, и Андрей издали пошел на таран. Несколько раз он петлял, не снижая скорости, как бы стараясь все-таки избежать встречи, но столб неизбежно вырос перед нами словно из под земли, и мы на полном ходу въехали в него. Мы все заорали, как ненормальные. Столб упал, и мы мигом проскочили по нему. Поездив еще немного, Андрей сбавил скорость и выехал на дорогу. Абсолютно счастливые, мы не могли найти слов, чтобы выразить свои впечатления. Понемногу мы успокоились, в отдалении показались лагеря.

Мы проехали на лагерный пляж, причем неожиданно остановились в кустах, я выпрыгнула из машины, поблагодарила их, взяла свою сумку, попрощалась с ними и пошла в лагерь.

– А ты где там будешь? – крикнула мне из машины Юля.

– В пятом отряде! – крикнула я ей в ответ, и пошла по дороге.

6

Разумеется, Юля, Андрей и Денис были людьми, но карта обозначила, таким образом, неизбежные встречи с иными невероятными, нечеловеческими, созданиями.

Когда моей мамы не было дома, папа умудрялся где-то занимать на бутылку. Сначала он играл на гитаре и пел, затем рассказывал о своей прошлой жизни, потом начинались сопли по поводу неприятностей на работе, которые заканчивались всплеском ярости. Приходила мама, и если он был слегка пьян, то он сразу же послушно шел спать, если же он выпил достаточно, то мама загоняла его спать, а он рвался выпить еще и выкрикивал оскорбления. На следующий день начинался разбор полетов, мама его прорабатывала, а он молча сидел, тихий, пристыженный. Он был сильным, веселым, и бесшабашным. Мама его всегда прощала, она верила, что в будущем он измениться, ведь большую часть времени он был вполне адекватным. Сейчас я к нему отношусь с пониманием, но тогда я считала, что его нужно раз и навсегда вычеркнуть из нашей жизни, я ненавидела его за то, что он оскорблял своих близких, и презирала его за его потребность выпивать. И я боялась его, потому что в пьяном виде он что-то пытался втолковать нам с сестрой, относительно того, что наша жизнь зависит от жизни мамы, и это всерьез воспринималось нами как прямая угроза убийства, в случае, если

с мамой что-то случиться. К тому же он бахвалился своим ножом, и мое чрезмерное индульгирование в этом вопросе, в самом деле, плохо на меня повлияло. Когда внезапно он умер по невыясненной причине, я решила, что это произошло только из-за моей ненависти к нему. Я хотела избавить от него себя и свою маму, и я уже давно заметила, что мои сильные и конкретные желания выполняются сами собой с удивительной точностью.

Потрясение от смерти папы вызвало сильный сдвиг моей точки сборки, кроме того, я берегла чувства моей мамы, поэтому сдержанно и достойно изображала траур. А любое длительное контролируемое необычное поведение вызывает дрожание точки сборки. Возникшая разность потенциалов привлекла ко мне неорганическое существо, которое Кастанеда называл олли. Его появление было самым страшным потрясением в моей жизни. Я до сих пор индульгировала в религиозном ужасе, встретив его, я думала, что теперь я обречена, меня охватывали чувства жалости к себе и ужас перед неизбежностью. Я считала, что он пришел, чтобы забрать мою душу. Я не знала, что это такое, я до смерти боялась его, и единственное, что я знала, это то, что убегать было бы бесполезно.

Я ехала в переполненном трамвае, и уже готовилась выходить, как заметила его. Это был замызганный мужик, он сидел, не на кого не глядя. У меня отвисла челюсть, я непроизвольно уставилась на него. Я на сто процентов знала, что

это кто угодно, только не человек. Он заметил, как я на него смотрю, и начал хитро на меня посматривать и улыбаться. Я испугалась, отвернулась, и тут же вышла на своей остановке, он неожиданно тоже вышел и пошел за мной. Тогда я молча к нему повернулась. Он был темноволосый, с черными цепкими глазами, ему было около 25 лет. Была зима, он был без шапки, в расстегнутой черной дубленке, и в черной рубашке. Он смотрел на меня, и криво улыбался. Он знал, что я про него знаю. Он был темным, мрачным и выглядел подавляюще значительно. В нем чувствовалось невероятная сила, власть и неизвестное мрачное могущество. У него был какой-то ужасный черный юмор во взгляде. Он сказал мне, что сегодня впервые за пол года он вышел на улицу, и встретил такую интересную девушку. Его попытка изобразить половой интерес поистине была гротеском.

Он сказал, что его зовут Сергей, я сказала, что меня зовут Жанна, и что я иду домой. Он спросил, где я живу. Я сказала, что недалеко, и указала на свой дом. Он сказал мне: «ну пошли?», и мы пошли вместе. Я шла к себе домой, он молча шел рядом, его присутствие граничило с неизбежностью. Потом мы зашли ко мне домой, он снял свою черную дубленку на козьем меху, положил ее рядом с собой и сел на диван. На нем была черная рубашка, под которой была серая футболка. Брюки у него были на тон светлее рубашки. Я сняла шубу, шарф и шапку и села напротив него на стул. Я ехала домой из института, была одета довольно стильно: на мне

была черная длинная юбка клеш, черная водолазка и красный пиджак с черной отделкой. Комната моя шарахнулась в гротеск, гость мой похож был на выходца из преисподней. У меня перехватило дыхание оттого, что будет дальше. Он молча смотрел на меня, потом достал флягу и начал пить. Я спросила его, что там. Он сказал, что всегда носит с собой воду. И дал мне очень красивую металлическую флягу. Я испугалась еще больше, но взяла ее, и сделала один глоток. Там была обычная некипяченая вода. Я спросила его, чем он занимается. Он сказал, что он делает украшения на мотоциклетные шлемы, и сегодня один такой шлем он продал на базаре.

– Ты из дома вообще не выходишь?

– Да, сегодня в первый раз на улицу вышел за полгода.

– Интересно, как ты живешь?

– Поехали, я тебе покажу.

Я встала, мы оделись, и поехали к нему. Было уже около четырех дня. Выходя из подъезда, я спросила, далеко ли он живет. Он объяснил, где. В трамвае к нам подошла контролер, я показала проездной, он достал мелочь из кармана и заплатил за себя. Всю дорогу мы с ним молчали, смотрели друг на друга и значительно ухмылялись: было очевидно, что он знал, что я про него знаю. По привычке я ощупывала в кармане папин нож, который теперь я все время носила с собой, но я была уверена, что хотя этот субъект и очень странный, но мне не о чем беспокоиться: я точно знала, что как девуш-

ка я не могу его интересовать. В нем все было необычно.

В сумерках мы добрались, и зашли в однокомнатную квартиру на первом этаже девятиэтажного дома. Сразу было видно, что квартира не жилая. Сервант и стол стояли у окна, у стены напротив окна на полу лежало несколько матрасов и тюков с затхлыми тряпками. Мы подошли к серванту. В серванте были старые стеклянные рюмки, открытки и статуэтки. На серванте лежал красный шлем, к которому была приделана лента из закрученного стекла. Он достал его и показал мне. Это меня удивило, я спросила, насколько это долговечно. Он улыбнулся дьявольской улыбкой и сказал, что только сегодня на базаре к нему подошел мужик, и спросил то же самое.

– Так знаешь, что я ему на это ответил?

Он задержал паузу, я с интересом смотрела в искорки его черных глаз, из которых на меня рвалась бездна.

– Я сказал ему: «Стеклянный – - дураку не надолго. По – -л, и об угол!».

Он засмеялся, я тоже усмехнулась его афоризму. Потом он достал из серванта свои документы: паспорт и военный билет и начал их показывать мне. Сергей Фролов. 1972 года рождения. Потом он достал две фотографии, и дал их мне, рассказывая, что на одной он до армии, а на второй – после. Он сказал, что отец его священник, и что они не общаются. Это задело мои религиозные чувства, это дьявольское создание утонченно надо мной издевалось: он намекал на библей-

скую историю отношений между Богом и дьяволом. У меня от такой наглости перехватило дыхание: надо же, у него даже фотографии были для меня. Я пошла на кухню, остановилась у выключателя. Он пошел за мной и встал в двери. Выключатель был вырван. Он подкрутил провода, и на кухне зажегся свет.

– Что, так и мучаешься? – ехидно спросила я. Он молча оперся плечом на дверной косяк.

Я стала открывать один за другим все дверцы и ящики кухонного гарнитура, все они были абсолютно пустые. На плите стоял чайник. На кухне не было ничего, ни кастрюль, ни тарелок, ни кружек, ни столовых приборов, там вообще не было никаких продуктов. Холодильник был пустой. Смеситель над раковиной был сломан. Под раковиной только стояло ведро картофеля.

– Чем ты питаешься?

– Вот, картошка.

– Сырую ешь?

– Нет, варю.

– В чайнике?

Он показал мне на огромных размеров кастрюлю без ручек, которая стояла у холодильника. Я усмехнулась, подошла и заглянула в нее. В кастрюле был мелкий мусор, ясно, что она стояла тут с незапамятных времен.

– Без соли?

Он не ответил. Я пошла в комнату и села на стул. Я была

уверена, что сейчас то он мне все скажет, я прижала его своей бесцеремонностью. Вместо этого он включил свет в комнате, потом включил точильный круг, и стал молча точить ножи. Это был гротеск. Я встала, достала «свой» нож, и отдала его ему. Он усмехнулся, покрутил его в руках, наточил лезвие до невероятного состояния, (я потом проверяла его на всем подряд), и вернул мне. Я взяла нож, положила в карман шубы, оделась и сказала, что я пойду. Он сказал: «приходи» и закрыл за мной дверь.

Было уже темно, я шла домой через плохо освещенный пустырь, холодный ветер дул со всех направлений и сбивал меня с ног. Меня шатало, я ощущала себя одинокой тенью на бескрайней снежной равнине. Я чувствовала отчаяние и одиночество этого проклятого заколдованного места, я целую вечность шла по этому безлюдному пустырю, на котором бушевал и безумствовал ветер, одна среди холода, снега, ветра и отчаяния, как будто я навечно застряла между мирами на этой чертовом безбрежном плато.

Через два дня, в субботу в три часа дня, и я почувствовала, что могу увидеть его снова в той квартире. Я оделась очень просто – в джинсы и серую спортивную кофту, чтобы не акцентировать внимание предполагаемой разнице полов между нами. Я надеялась получить ответ, и узнать какого рода отношения вообще могут быть между нами возможны. Это было что-то непостижимое, я хотела четко знать, что есть что. Я пришла, он молча открыл, и зашел в ком-

нату. Я сама зашла, сняла шубу и шапку. В квартире был еще один парень, лет 23, худой сутулый маленький шатен с острым носом и близко посаженными глазами. Сергей уже сидел рядом с ним у окна. Они продолжили разговор, как будто меня и не было. Я прошла и молча села на матрасы. Тот парень нес совершенную околесицу, он рассказывал, как ходил к какому-то парню за деньгами, видимо их общему знакомому, и пересказывал их на редкость тупой разговор. Он подначивал Сергея пойти разобраться, тот значительно слушал и молчал. Этот парень был таким же фантомом, как и те документы, которые показывал мне Сергей. Я минут 20 смотрела на свои вязаные носки, краем уха слушала весь этот бред, и удивлялась его силе, и его настойчивому желанию убедить меня в том, что он человек. Еще раньше ко мне подходила «девочка», которая внушила мне острое понимание того, что ее не существует в нашем мире. Догадавшись об этом, она сама рассказала, где она живет, кто ее папа и мама, она очень хотела выглядеть достоверной, но я все равно, откуда-то, знала про нее. Я поняла, что он так и будет притворяться, встала, оделась, сказала у двери «До свидания» и вышла из квартиры. Никто из них даже не пошевелился.

Я уже выходила из подъезда, как Сергей выбежал за мной. Он был в той же черной рубашке, в черных штанах на тон светлее, и в шлепанцах. Он взял меня за плечи и заглянул в глаза. Я видела его глаза совсем близко, это было нечто невообразимое, я видела, что в нем нет ничего, что было бы

хоть как-то похоже на человека. Его интерес ко мне лежал явно за пределами всех вероятных человеческих взаимоотношений. Здесь было нечто иное, и это бросило меня в ужас.

– Жанна, послушай. Ты мне понравилась. Я сейчас не могу с тобой поговорить, но обещай, что когда-нибудь мы еще встретимся. Мы будем с тобой встречаться! Ты обещаешь?

Меня трясло. Бездна дышала на меня, я чувствовала, что я умираю. Я сказала: «ладно», но это означало «нет». Я хотела скорее высвободиться из его рук и уйти. Он понял, что я очень сильно напугана. Тогда он еще раз повторил то же самое, но, уже притворяясь и вкладывая в эти слова попытку представиться парнем, который ищет встреч с понравившейся ему девушкой. Он все еще держал меня за плечи, и очень плохо притворялся. Это было кошмаром. Я ему не верила, я всем своим существом чувствовала, что передо мной стоит порождение тьмы. Я отворачивала лицо и отводила глаза, он потряс меня еще немного за плечи и отпустил.

– Мы с тобой увидимся еще?

Я сказала «да», на этот раз я была уверена в этом, и ушла. Я очень долго приходила в себя после этого разговора, я думала, что я пропала. Он распахнул передо мной ворота в преисподнюю, и я знала, что теперь мне не уйти.

Через день я еще раз пошла в эту квартиру. Я шла уже как в бреду, как Раскольников шел звонить в колокольчик. Мне никто не открыл. Я позвонила соседям. Открыл парень лет 30. Он сказал, что не знает никакого Сергея Фролова, и что

прежние хозяева уехали, а квартира эта уже полгода, наверное, стоит пустая и в ней никто не живет. «А, хотя позавчера поздно вечером там что-то горело, мы уже хотели пожарных вызвать, как все прекратилось. Дым был сильный, как будто тряпки горели. А Вы, собственно, кто?». Я поняла, что пора смываться, пока не начались расспросы, извинилась и ушла.

Кастанеда описывал олли, неорганических существ, которые притворяются чем угодно, и людьми в том числе, и что животные безошибочно их определяют, избегают их и бояться. Я не могла его избегать, потому что он ясно обозначил свой интерес ко мне. У меня нет ни одного сомнения в том, что это был не человек, и у меня нет ни одного объяснения этим событиям.

Впоследствии потрясение от тяжелой и продолжительной болезни моей дочери, и от разрыва с близким другом привлекло ко мне еще одно неорганическое существо, которые Кастанеда называл олли. Я видела его как прозрачную мужскую фигуру, которая молчаливо стояла у меня в изголовье, стояла у меня за спиной, и следовала за мной повсюду. Однажды я видела его в виде вибрирующего столба. Его появление и присутствие вызывало во мне самый глубокий ужас, я то цепенела, то меня начинало трясти. Было ощущение невероятной силы и могущества, я чувствовала себя козявкой, и не смела даже взглянуть на него.

Я была перепугана до смерти, и, не зная, что с этим делать, и обратилась к бабке, которая занималась колдовством

и лечением, чтобы рассказать ей все детали. Она удивилась, услышав рассказ, и я поняла, что она о таком впервые слышит. Когда она спросила меня: «А какая у тебя магия?», у меня потекли слезы от жалости к себе, я думала, что она меня прогонит, и просила ее хоть что нибудь посоветовать. Она ответила мне, что подобные вещи обычно мерещатся алкоголикам во время белой горячки, и от этого некоторые из них кончают самоубийством. В качестве рекомендации она велела мне выбросить книги о гаданиях, гороскопы и молиться. Я усердно молилась, книги я отдала, и выбросила все газеты. Я пошла в церковь, поставила свечи, мысленно попросила прощения у всех, кому я когда-то причиняла зло, и даже неожиданно для самой себя в отчаянии бомбила там пол лбом и рыдала. Люди расступились и смотрели на меня. Но все это не помогало. Он неумолимо присутствовал, а я все так же боялась реагировать на него, и он стал появляться все реже и реже. Но я была уверена, что новая встреча неизбежна, и что неизвестный ужас надвигается на меня.

Я чувствовала себя беспомощным насекомым, и чтобы как-то подготовиться к новой встрече, я стала искать и изучать разную литературу, но нигде не встречала ничего подобного, пока не встретила книгу «Тропа воина. Пособие по боевой энергетике». Автор описывал технику мысленной концентрации с последующей визуализацией разных образов. Для того, чтобы уравновесить энергию инь и янь требовалось визуализировать два столба, символизирующих эти

начала, сунуть в них руки и представить, как энергия входит через руки и перемешивается в животе. Мысль сунуть руку в это существо наполняла меня неизмеримым ужасом, я написала сумбурное письмо автору книги с просьбой дать консультацию. И он оказался столь любезен, что попросил уточнить детали. На этот раз я описала все с самого начала, понимая, что от точности моего изложения, возможно, зависит моя жизнь. Автор был весьма удивлен прочитанным, и ответил, что подобные вещи ему неизвестны, к тому же он больше этим не занимается. Он перерос эту тему, и готовит теперь другую книгу. Я поняла, что значит «перерос». Человеку надоело заниматься ерундой: визуализировать взаимодействия с объектами своих умственных представлений.

Затем я нашла книги К. Кастанеды. Наконец то я получила описание мира, совпадающего с моим восприятием. У меня появилось знание о том, как себя вести, чего можно достичь и чего следует опасаться. Олли обладали силой, могуществом и знаниями, и встреча с ними должна быть большой удачей, если не считать, конечно, возможность летального исхода. От жадности у меня зашкалило мозги, я стала хотеть олли, как одержимая. И в то же время я очень боялась. Но не смерти – выходя из дома, я всерьез прощалась с дочерью, потому что знала, что вероятность выжить при близком контакте с олли у меня не велика, но я была готова умереть ради этого. Я искала их, я хотела встречи вне моего дома, и была уже на пределе. Дома у меня начали по-

являться мимолетные ощущения какого-то легкого присутствия, которое каким-то непостижимым образом затягивало меня черт знает куда. Я боялась именно этого – неизвестности. Я боялась не вернуться, потому что я считала, что я вообще единственный человек в мире, способный адекватно обеспечивать жизнедеятельность моей дочери.

Перед Новым Годом я всем купила подарки, и даже спросила у своих знакомых по Интернету, кому из них прислать подарок. Всем желающим я отправила открытки и письма, куда я вложила разные маленькие штучки. Я сидела на почте и заполняла адреса на конвертах, вокруг была суета, девушки, распространяющие косметику, распаковывали полученные коробки. Бабульки стояли в очереди за пенсией, другие платили за квартиру.

– Мы бегаем, мы бегаем, мы бегаем!

Я повернулась посмотреть, что за идиот сел слева рядом со мной. Меня пронзило. Это был олли. В моем сознании мелькнула мысль о еще двух таких же придурках, похожих на него, с которыми он «бегает» вместе. Это был парень лет 23, в черной вязаной шапке, и в синей старой Аляске с белой синтетической опушкой. У него были короткие, неаккуратно постриженные русые волосы, прямой нос, вывернутые губы, кошмарные желтые зубы и абсолютно безумные серые глаза. Он не был пьян, и не был слабоумным. Это был олли, и он не притворялся. У него была взрывная манера поведения, он был весь как бы навыверт, к тому же он повторял

каждое свое утверждение по три раза. Я оценила ситуацию: бороться с ним, чтобы получить его, при таком скоплении народа было бы невозможно, к тому же он со мной разговаривал. Я заполняла конверты, мое внимание было сосредоточено на письме, и это создавало некоторый буфер, я бы действительно не вынесла его прямого взгляда.

– Как это вы бегаете? – я боялась смотреть на него прямо, и продолжила заполнять адреса.

– За тобой бегаем! За тобой бегаем! За тобой бегаем!

– За мной бегаете!!! Почему!

– Ты бегаешь, ты бегаешь, ты бегаешь!

– Я бегаю? Как я бегаю?

– От нас бегаешь. Почему ты от нас бегаешь?

Вопрос был в лоб. У меня все упало. Я поняла, что, имея в наличии такую гнилую личность мне никогда не выстоять лицом к лицу с ними, они неизбежно раздавят меня, как клопа. Ради своей жизни я должна была выкинуть из себя все лишнее. Я собралась с духом, коротко взглянула на него (для меня невозможно было смотреть ему прямо в лицо), быстро отвела глаза и ответила:

– Я сейчас не готова. Но я знаю, что убегать бесполезно.

– Правильно знаешь, убегать нельзя! – за весь разговор он импульсивно выбрасывал невероятные эмоции, на этот раз он взорвался смехом. Через секунду он застал меня врасплох взрывом непостижимой радости:

– Я не исчезаю! Я не исчезаю! Я не исчезаю!

Я растерялась от такой наглой его прямоты и на той же волне, чтобы продолжить как-то разговор спросила его:

– Круто?

– Круто!!!

– Прикольно?

– Прикольно!!!

– Нравиться тебе?

Он закивал, скаля зубы. Я решила идти напролом.

– Ты кто? – я в упор уставилась ему в глаза.

– Я? Сергей!!!

Я поняла издевку, и опустила глаза. Серые глаза затягивали меня в свое безумие, я чувствовала, что схожу с ума.

– А ты кто? – с насмешкой спросил он меня.

– Ты знаешь, кто я! – с вызовом ответила я. Что я могла ему ответить?

– Да. Я знаю, кто ты… – и он начал смеяться этому, будто бы он действительно все про меня знал.

Следующей фразой его было:

– Ты бегаешь, ты бегаешь, ты бегаешь! Ты за нами бегаешь! Зачем ты за нами бегаешь?

Он буквально припер меня к стенке, я вообще не ожидала такого честного и откровенного разговора. Тем более я не могла внятно сказать ему, что мне действительно от них нужно. Я хотела какого-то могущества, о котором не имела ни малейшего представления. Я даже отдаленно не могла предположить, в чем оно будет проявляться. Я не знала, как

ответить, и поэтому я грубо наехала на него:

– Ну а что вы мне можете дать?

– Дать! – он начал хохотать, как идиот, – Что я могу тебе дать!!!

Он начал выворачивать свои карманы.

– Смотри, у меня ничего нет! Что я могу тебе дать!!!

Я чувствовала себя дурой. У меня мелькнула мысль дать ему ириски, которые были у меня в кармане, и от этой мысли я почувствовала себя еще более глупо. Я отвернулась и стала заполнять адреса.

– Что ты делаешь сейчас?

– Адрес пишу, письма потом отправлю.

– Я полечу с твоим письмом! Я полечу с твоим письмом! Я полечу с твоим письмом!

Я не стала уточнять, что это значит. Мне надо было заполучить его, я не знала, что сделать. Взять его с собой домой? А дальше? Засунуть в бутылку? Я спросила:

– Ты будешь мне помогать?

– Помогать? – он не проявил никакого интереса. Видимо он понял, что я имела в виду манипуляции над людьми. Потом он безразлично пожал плечами и кивнул в строну кассы, где бабушки получали пенсию.

– Не знаю, если мама мне разрешит.

Вокруг нас толпились люди, им было некогда, но все-таки они внимательно слушали наш разговор, я ловила на себе совершенно изумленные взгляды. Я повернулась к кассе,

чтобы разглядеть, на кого он показывал. В это время кто-то мелькнул из-за людей, которые стояли вокруг стола, за которым мы с ним сидели. Сергей увидел его, поднялся, и пошел прочь.

– Пока! – крикнул он мне, обернувшись через правое плечо.

– Пока, Сереж! – со всем сердцем попрощалась я с ним, так, как если бы он был моим самым дорогим другом. Я вскочила за ним, чтобы посмотреть, с кем он уходит. Люди как по команде набежали к столу с той стороны, и полностью закрыли их от меня. Я поняла, что пока я буду выбираться из-за стола, собирать свою сумку, пакет и письма, он уже будет далеко. Я села. Я была взбудоражена, но поняла, что я не слишком уж перепугалась. Напротив, я испытывала глубокую симпатию к нему, пусть даже с оттенком ужаса.

Этот разговор многое прояснил относительно характера вероятного взаимодействия. Могущество, сила, знания – это всего лишь слова, неорганические существа могут дать нам не больше, чем мы им. Единственное, для чего стоит искать встречи с ними, только для путешествий в невообразимое.

Позднее, я еще раз встретилась с олли. Я уже не ждала их, но имела стойкую заинтересованность в неорганических существах. Однажды вечером он пришел, как ощущение присутствия. Я испугалась, к тому же было не время, я укладывала дочь спать. Я хотела пригласить его в свое сновидение, и пока пыталась сформулировать мысль, он понял ме-

ня, и внезапно ушел. В ту же ночь я увидела во сне его в виде вибрирующего столба, и первая бросилась на него. Было ощущение, как будто я попала в гигантскую волну, меня кружило, и я не знала, где я нахожусь. Мое намерение было непреклонно, я знала, что если отпущу его, то умру. У меня еще были силы, чтобы держать его, но случилось нечто неожиданное. Какой-то человек в моем сне включил свет, и подошел ко мне посмотреть, что происходит. Похоже, он только что проснулся, он понимал смысл происходившего, и явно настроен был это прекратить. Я лежала на полу, и этот человек через прозрачное тело олли заглядывал мне в лицо. В тот же момент проснулся мой муж и начал толкать меня. Я проснулась, муж мой тут же заснул. Я лежала в своей постели и готовилась умереть – я знала, что я выпустила олли до того, как он потерял свою силу. Через минуту до меня дошло, что я не умру, а утром муж мой вообще не помнил, что он меня будил. Позже я узнала, что этот человек – мой отец, и что он существует, и все обо мне знает и беспокоиться обо мне, потому что он любил меня больше, чем всех остальных. Он знал, что пристальный интерес убивает силу, и пытался оградить меня от близкого контакта с этим страшным созданием. Мой папа существует до сих пор, так же, как существовала гусеница, которая прокляла меня в детстве, хотя мне хотелось бы, чтобы даже самые лучшие его чувства ко мне, его нереализованная забота и желание защищать меня изгладились из моей судьбы навсегда.

7

Моей напарницей была вожатая, 19 летняя ученица педагогического училища Наташа. Она была светловолосая, низенькая девушка крепкого телосложения. У нее были короткие кривоватые ноги и крупное овальное лицо. Карие, чуть раскосые глаза, прямой нос и выдвинутый подбородок, прямые светлые волосы до плеч. На слегка сплющенном лице отличительной чертой была выпирающая нижняя губа, вследствие неправильного прикуса. Уже перед отъездом, мальчишки из моего отряда по секрету сказали мне ее кличку – «челюсть». Я посмеялась и спросила, как они называли меня. Они тут же кинулись меня обнимать и говорить, что я их красатулечка, потому что я добро-злая, и что я всегда за пацанов, а Наташа злая и всегда за девчонок.

Почти все вожатые, за исключением меня и еще одной девушки, в этом лагере были из педучилища. Познакомившись с ними, я просто была поражена их общему свойству: выпирающей по своим масштабам глупости. Глупость доминировала в лагере. Все люди, с которыми мне приходилось там общаться были в той или иной степени образцами человеческой глупости в том или ином роде. Такое количество глупых людей, собранных на одной небольшой площади пионерского лагеря меня просто шокировало. Я не встретила ни одного умного человека. Единственное, что их по настоящему зани-

мало, это различные сплетни, бесконечные обсуждения взаимодействий по поводу бесконечных взаимоотношений, построенных на невероятной глупости и болезненно раздутом самомнении. Пошлость и рутина среди взрослого населения лагеря совершенно не распространялась на детей – они были нормальными и живыми. В них была энергия, которую они не научились еще полностью, без остатка, вбухивать в мелочную бессмысленную вражду, суету по поводу чувства собственной значимости и комплексов неполноценности.

Но самым глупым человеком в лагере, безусловно, была Наташа. Она была глупа настолько, что даже в таком коллективе сияла яркой звездой. В день заезда ее все уже обсуждали. И она сразу же объяснила мне причину. Дело было в том, что по приезду она зашла в соседний отряд к знакомым вожатым. Воспитательница попросила ее закрыть за собой дверь. Наташа почувствовала, что ее человеческое достоинство ущемлено, и взбесилась. Она взяла дверь за ручку и стала хлопать ею, с холодной улыбкой глядя на воспитательницу, с размахом открывая и закрывая дверь. Затем Наташа изобразила, какой походкой, подчеркнуто независимо, она прошла мимо воспитательницы к подругам, сделав при этом явно пренебрежительный жест рукой в сторону воспитательницы. С ядовитой улыбкой Наташа рассказывала, и буквально упивалась своими словами, о том каким при этом было лицо воспитательницы. Пообщавшись с вожатыми, Наташа снова гордо и независимо прошла ми-

мо воспитательницы, находившейся в результате такого события в тяжелом трансе. Ни слова не говоря, она демонстративно развернулась у двери, постояла достаточно долго, убивая взглядом ставшую ненавистной ей воспитательницу, открыла дверь пинком, вышла, крикнула из-за двери ей «Ха!» и со всего маха так хлобыстнула дверью, что во всем отряде задрожали стекла на окнах. Услышав эту историю, я внутренне перевела дух, оттого, что в таком гнилом коллективе, где ядром всех интересов являются сплетни, уже было, кого обсуждать. Если бы не было Наташи, я рисковала оказаться в этом лагере местной дурочкой, поскольку я отличалась от них ценностями и интересами.

После встречи с поразительными существами, обладающими невероятной энергией, и неожиданным типом осознания, я снова вернулась в мир людей, и столкнулась с тем, что никогда раньше не замечала – с поголовной глупостью, с мелочностью, с неимоверным чувством собственной важности, с неувядающей потребностью суетиться. Я не была исключением. Наташа – это мое второе я. Но теперь, когда карта наглядно указала мне, персонифицировав, мою фатальную глупость, мне легче будет осознавать ее, и проще с ней расставаться. Единственная достойная битва длиною в жизнь – это безжалостная, искусная, кропотливая и мягкая борьба против собственной глупости.

Наташа стала моей неизменной компаньонкой на все время пребывания в лагере. Впечатления от моей первой про-

гулки по лунной дороге за воротами лагеря были такими сильными и неожиданными, что я стала постоянно ходить ночью на ту дорогу, и всегда брала Наташу с собой. Разумеется, ее присутствие изменяло картину, один раз мы проходили с ней мимо придорожных кустов. Вдруг в кустах, совсем близко о нас что-то хрюкнуло и зашевелилось. Мы одновременно завизжали и помчались со всех ног по дороге, а, пробежав достаточно далеко, отдышались и начали истерически смеяться над тем, как мы взвыли и побежали. Если бы я была одна, я ни за что бы не стала бы с визгом носиться по этой дороге. Имея в наличии свою личность, человек уже автоматически находится как бы в толпе, он уязвим, ему есть что защищать и чего бояться. И только отбросив навсегда своё «я», расквитавшись со своей личной историей, он сможет выстоять перед лицом неожиданности и ужаса бесконечности.

В лагере были юноши, которые держались обособленной стайкой. Как-то раз я проходила мимо одного из них, мы разговорились, потом подошли остальные. Один из них, диджей Алексей, совсем юный мальчик, красивый, и как следствие очень самоуверенный, сразу положил на меня глаз и начал в процессе беседы источать флюиды в мою сторону. Мы познакомились, и вкратце рассказывали о себе. Всем им было от 16 до 18 лет. Алексею было 16, и он видимо решил, что я его ровесница. Когда спросили меня, сколько лет мне, мне не зачем было им врать, и я назвала свой преклонный

для этой компании возраст. Воцарилось молчание. Мне явно никто не поверил. Алексей почувствовал себя оскорбленным. После напряженной паузы он злобно зыркнул на меня, и угрожающе спросил: «Ты че врешь!». Это был откровенный наезд. Я улыбалась, потому что мне всегда нравилось то, что я выгляжу намного моложе, и эта ситуация мне понравилась тоже. Я объясняла ему, что мне незачем врать, и что мне, в самом деле, 20 лет, что я учусь в педагогическом институте, и что закончила уже третий курс. Алексей растерялся и не знал, что сказать. Зато после этого он при каждой встрече лез из кожи, чтобы сказать мне какую-нибудь грубость или дерзость. Если я проходила мимо, он непременно бросал на меня косые взгляды и цыкал какую-нибудь гадость. Все эти его возрастные, а может и клинические особенности не вызывали во мне никаких эмоций, я не чувствовала себя как-то задетой или затронутой его поведением. Мальчик занимался ерундой, ну и что, здесь вообще не было ни одного нормального человека.

Видя, что ничего из этого не производит на меня впечатления, Алексей начал распространять свои действия на детей из моего отряда. Мои дети придумали танцевальный номер художественной самодеятельности, и сами пошли к нему взять кассету с нужной песней. Он им сказал, что такой песни у него нет, хотя на каждой дискотеке он включал эту песню по несколько раз. Дети пришли жаловаться ко мне. Пришлось пойти и лично попросить у него кассету. Он дер-

жал напряженную паузу, намеренно долго и подчеркнуто небрежно рылся в разных ящиках стола. Меня это не впечатлило и не утомило, зато сам он чувствовал себя не в своей тарелке. Он дал мне кассету, я сказала спасибо и ушла. Перед выступлением дети вернули ему кассету. Во время концерта, когда дети мои вышли выступать, Алексей выключил музыку. Номер срывался, а они столько готовились, и очень хотели выступить и занять призовое место. Они в растерянности смотрели на меня, я сказала им: «Танцуйте!», и они продолжили танец уже без музыки. Когда зрители их поддержали, и начали хлопать в такт, Алексей врубил другую песню, дети сбились с ритма, и номер был провален. Все, кто болел за наших, были возбуждены и расстроены, всем было ясно, что Алексей сделал это нарочно, чтобы провалить выступление. Но я не чувствовала себя уязвленной, для меня это не было ни трагедией, ни печальным событием. Но все ж таки я решила, что вполне уместно было бы в легкой форме слегка щелкнуть его по носу, чтобы он не очень-то зарывался.

Особенностью этого лагеря было то, что каждый вечер проводился концерт, и вожатым каждый день приходилось выступать самим и готовить детей к выступлениям. Каждый вечер нужно было выходить на арену и показывать из себя что-нибудь новенькое и оригинальное. Компетентное жюри оценивало номера, победителей объявляли, и каждый вечер за звание победителей шла серьезная и напряженная борьба. Поскольку новизны и оригинальности не хватало, на сце-

не торжествовала пошлость и глупость. Старшая вожатая Светлана Владимировна изображала сценку про школу, в которой ученик никак не может правильно произнести слово Миссисипи, и говорил «сиси – писи». Наташа изображала эпизод с хлопаньем дверьми, чем вызвала вторую волну непонимания, и осуждения в лагере. Я участвовала в самодеятельности очень редко. По началу меня привлекали в коллективные постановки, но на репетициях я всегда улыбалась, глядя на то, насколько бездарными и претенциозными были идеи и их исполнение. Меня сначала пытались приструнить за выражение лица, говоря, что «мы здесь серьезными вещами занимаемся, а не улыбаться пришли», но потом поняли, что влиять на меня невозможно. Общаться с другими вожатыми у меня не было потребности: мне с лихвой хватало Наташи. Мне не нужна была характеристика, которую потом и кровью зарабатывали другие, мне не нужно было высунуться здесь перед всеми, чтобы показать свой ум и талант, или поддеть в форме аллегории кого-нибудь из врагов, которых у меня, ввиду отсутствия заинтересованности в людях, и не было. Меня просто перестали звать на репетиции. Но на этот раз я решила сама немного потешиться над Алексеем и прочла короткий стишок собственного сочинения.

Один наш знакомый ди-джей Алексей,
Сегодня получит от нас нагоняй,
Скажем ему мы: сынок, не дерзи,
А дискотеки получше веди.

Я догадывалась, что в 16 лет он должен остро ощущать себя уже взрослым, тем более, что между нами произошла комическая сцена по поводу несоответствия его взрослости, и ставшая, по видимому, причиной его паранойи. Поэтому я намеренно использовала насмешливое снисходительное обращение «сынок», и сделала это при всех, на вечернем концерте. Результатом стало то, что теперь уже все его товарищи стали открыто меня ненавидеть. Я не обсуждала это и никак не уделяла этому внимания, до тех пор, пока меня не определили на участие в шоу «любовь с первого взгляда». Для «Дружбы» это было традиционное шоу, которое проводилось каждую смену. В мероприятии всегда участвовали одни и те же люди, и в кульминации участники шоу, которые тайно или явно жили друг с другом, делали выбор, а затем был конкурс на лучшую пару. Я была игроком на выбывание и заранее решила выбрать Вову, полудохлого и перекошенного сколиозом сожителя старшей вожатой Светланы Владимировны. С ним я не была лично знакома, и выбрала его, чтобы не участвовать в конкурсе пар. Меня не выбрал никто. В шоу участвовал также 18 летний красавчик Леша, который был из компании, имевшей на меня зуб. Все должны были присутствовать в образе какого-нибудь сказочного персонажа. Я была Пеппи длинный Чулок, с веснушками и косичками, в которые я вплела проволоку, чтобы согнуть их в причудливую форму. Когда пришло время задавать вопросы участникам, я, в образе задиры и врушки, обратилась к Алексею:

«У меня в Америке есть дядя, у него такие большие уши, что когда поднимается сильный ветер, он может на них летать. Скажите, Алексей, он вам не родственник?» Я не хотела, чтобы он меня выбрал. Вопрос был построен так, что независимо от того, скажет он да или нет, он автоматически должен был согласиться с тем, что у него тоже большие уши. Поскольку он был красив, (и у него были совершенно нормальные уши) то наверняка привык прислушиваться к тому, что говорят другие о его внешности с должным вниманием.

Я не испытывала негатива, мне просто нравилось потешаться над ними. Я не принимала не их, не себя всерьез. Действия или слова людей могут быть обидными только в том случае, если считать этих людей важными. Для меня реально никого не было в этом лагере, кто имел бы хоть какое-нибудь значение. Любое взаимодействие было одинаково лишено всякого смысла, я выбирала какое-нибудь действие из числа возможных, действие, которое не имело для меня никакой важности, и выполняла его так хорошо, как только могла, как будто оно на самом деле имеет значение для меня. Результат меня тоже не интересовал.

Мне был безразличен любой из моих поступков, я могла его предпринять или не предпринять, и ничего бы для меня не изменилось. Но, решив что-либо сделать, я уже полностью погружалась в процесс и работала с полной отдачей. Однажды вожатые на летучке начали излагать Светлане Владимировне свои идеи – им хотелось провести один из концертов

как телепередачу. Светлане Владимировне затея не нравилась, у нее было четко все распланировано, все сценарии уже давно были отработаны и готовы, но прямо душить инициативу она не стала, она по всякому крутила ситуацию, но вожатые не сдавались. Им во что бы то ни стало, загорелось провести концерт в виде телепередачи, они считали свою идею как минимум достойной того, чтобы ее воплотить. Тогда в ход пошел последний аргумент: «Девочки, надо было заранее предупредить, что вы хотите, сейчас уже поздно». Но девочки хором закричали: «Когда заранее, мы за две недели к вам подходили!» Вожатые победили, подготовили и провели один из концертов. Я не могла понять, как можно всерьез быть озабоченным таким делом: тратить столько сил, чтобы разработать и реализовать такую бессмыслицу, от которой ничего не прибавилось и не убавилось в мире.

В лагере проводился день почты, можно было писать друг другу письма, и передавать их через почтальонов. Писать было некому и нечего. Но мне всегда нравились разные писульки, я выбрала старшую воспитательницу и написала ей такое письмо. «Уважаемая Светлана Владимировна. Вы мне симпатичны, особенно мне нравиться Ваша неиссякаемая энергия. Каждый день Вы не только организуете концерт, задействуете большое количество людей, но и сами активно принимаете участие в постановках. Ваш энтузиазм, и Ваша поглощенность работой заставляют Вас не думать о себе: чего стоит только то, что Вы сорвали голос, когда сломалась ап-

паратура, и Вам пришлось работать без микрофона. Желаю Вам дальнейших успехов и творческих побед». После этого письма она стала меня избегать, вероятно, нашла в письме какую-то не предусмотренную мной скрытую обиду. Она и вправду была очень энергичной женщиной, и все описанное в письме было правдой, за исключением того, что она была мне симпатична, просто я не знала как по другому можно вежливо отметить и похвалить ее энергию. Но вся ее деятельность была бессмысленной суетой. В этом лагере не было ни одного живого взрослого человека, все они были поглощены только одним занятием, которому они отдавали всю свою силу, жизнь и заботу – выделываться друг перед другом на арене, и биться каждый день за бессмысленные призовые места.

Единственное, что для меня в то время имело смысл – это моя прошлая жизнь. Все то, что было дорого мне, находилось рядом, в соседнем лагере, но я не могла туда вернуться. В том, прежнем мире осталось все, вся моя жизнь, все мои надежды и чувства, моя любовь и страсть. Здесь, в новом мире я была одна в центре человеческой глупости, я повседневно сталкивалась лишь с махровым идиотизмом окружающих. С ними я вела себя не менее глупо, с тем только отличием, что я осознавала свою глупость, и все взаимодействие с людьми сводилось к контролируемой глупости с моей стороны.

Как же я жадно хотела снова хотя бы на миг вернуть-

ся назад. Однажды, я собралась и направилась в «Лесные поляны». Еще раньше, я случайно узнала, что Дима живет не с мамой и не с невестой, а в одном из отрядов со своим другом Ромкой, которого я тоже хорошо знала. Поэтому я подумала, что могла бы к ним зайти, и пришла к ним. Они оба вышли на крыльцо, хмурые и неприветливые. Рома буркнул привет, Дима вообще не посмотрел в мою сторону. Я старалась разговорить их, но было бесполезно. Они присели на разные лавочки, обменивались между собой какими-то незначительными фразами, и вообще не смотрели в мою сторону. На веранду заходить я не решилась, и без того мое присутствие было здесь тягостно. Это было не понятно, поскольку мы совсем недавно расстались в хороших отношениях. Я попрощалась, но мне не ответили. Я шла к себе в отряд, с каждым шагом глубже и глубже впечатывая в сердце, что нет пути назад. И совершенно одержимо я снова и снова рвалась в этот лагерь, и снова и снова шла, прекрасно зная, что никогда туда не дойду. Я проходила через соседний лагерь, который находился между «Дружбой» и «Лесными полянами», останавливалась у последнего отряда, того самого, где мне предложили ночлег, и подолгу разговаривала с Серегой Гладковым, вожатым, с которым я вместе училась, и шла обратно. Я знала, что нет ни одного способа вернуться к тому, что должно было навсегда остаться позади. Не было жалости к себе, не было мучительных вопросов «почему», была только пустота и ясность. Ясность, четкая как приговор,

и окончательная, как смерть: нет пути назад.

Если я буду безупречной, то, скорее всего, сила, которая ведет все человеческие судьбы, позволит тем, кого я люблю, снова прийти ко мне. Но что я смогу сказать им тогда? Что я не могу вернуться обратно, потому что маги не могут вернуться в мир людей, который стал для них миром торжества человеческой глупости на арене тщеславия и чувства собственной важности. Что существует призрачный мост из тумана, по которому только люди могут пройти к магам, но никак не наоборот. Но, чтобы увидеть этот мост, люди слишком заняты собой, своими заботами и переживаниями, кроме того, в мире людей нет ни одной весомой причины, чтобы пойти по этому мосту. Ни один нормальный человек в своем уме никогда добровольно не пойдет на это, ведь там, на другой стороне нет ничего, что имело какую-нибудь практическую ценность в человеческом мире: ни любви, ни дружбы, ни могущества, ни власти над другими людьми, ни денег, ни славы, ни уважения. Есть только бесконечная борьба, и есть смерть, которая на каждом шагу дышит в затылок, есть печаль и дрожь, идущая из глубины вселенной, бесконечный ужас, и небывалое восхищение от осознания своей принадлежности к устрашающему и прекрасному миру, в котором ты всего лишь человек. Только любовь к свободе, к авантюре и тайне может заставить человека найти этот мост, и только воин способен пройти по нему, и не обрушиться в пропасть. А ненормальных людей в мир магии не требуются, поэтому

я никого не стала бы обманом и хитростью толкать на этот мост, каким бы жгучим не было мое одиночество.

8

В моем отряде была воспитательница, 23 летняя страшненькая женщина, которая сразу же рекомендовала называть себя по имени-отчеству (Наталья Юрьевна), что меня удивило, ввиду незначительной разницы в возрасте. Я предложила, что между собой было бы уместнее называть друг друга просто по именам, а уж при детях соблюдать необходимую субординацию. Но она отказалась. Она жила в одной комнате вместе с физруком, с которым она находилась в гражданском браке, и с ними была ее трехлетняя дочка. Она называла его Сережа, а он ее Наталья Юрьевна. Наталья Юрьевна заканчивала педучилище заочно, была глупой и, как оказалось, очень жадной и мелочной женщиной. В конце смены в качестве сухого пайка на каждого ребенка выдали по коробке конфет. Вожатым и воспитателям конфет не полагалось. Но некоторых детей родители забрали домой раньше, и 11 коробок осталось у Натальи Юрьевны невостребованными. Мы с Наташей поняли, что она собирается все взять себе, и нам это не понравилось. Мы думали, что, поскольку мы всю смену были вместе, и не разу с ней не поругались, она вполне могла бы дать нам по коробке, или хотя бы одну коробку открыть и угостить всех перед отъездом. Я решила, что если обращу внимание на кучу коробок, стоящих в ее комнате на подоконнике, то она смутиться, сделает вид, что

забыла про них и поделиться с нами. Зайдя к ней, я спросила, что она собирается делать с этими коробками. Она не краснея, сказала: «Это нам с Сережей». Против такого откровенного жлобства мне не чего было возразить.

Наталья Юрьевна – это еще одна ипостась моего «я». Моими самыми худшими и глубоко укоренившимися качествами являлись жадность и тщеславие. Когда я стала расшифровывать карту, то обнаружила в своем фотоальбоме еще одну страницу, незаметно приклеенную к обложке. Я была очень удивлена находкой, потому что я напрочь забыла про нее. Я отклеила страницу и нашла аллегоричную картинку, которую рисовала, когда мне было 18 лет. На ней был изображено симпатичное чудо-юдо с тремя головами, на месте которых были приклеены мои фотографии. Рядом был синий силуэт человека на красном игрушечном коне, который тыкал в чудо-юдо копьем, и выпускал ему кровь. Конь ему помогал орудовать копьем. На месте головы этого человека тоже было мое лицо. Над всем этим парила жар-птица с короной и мячом в лапах, опять же с моей физиономией. Я вспомнила, что эта аллегория тогда обозначала, что я даю обет то ли уничтожать себя ради свободы, то ли выдавливать из себя по капле раба. Я решила, что когда-нибудь смогу найти эту картинку и понять, что обозначают детали, которые тогда мне самой были не ясны, я просто нарисовала так, и все. Я очень любила оставлять послания самой себе, чтобы прочесть их в 30, в 40 лет, но всегда про них забыва-

ла, и они куда-то терялись. Это было единственное послание, которое дошло до меня. И сейчас эта картинка меня просто поразила – на ней был воин, безжалостно уничтожающий чувство собственной важности. Фигура человека не имела ничего лишнего, и выглядела как нечто безличное и безжалостное. Конь на колесиках обозначал контролируемую глупость, поскольку для воина в мире людей ничего уже не может быть настоящим. Птица свободы была очень хороша, и корона и шар в лапах горели равномерным огнем, казалось, что эта композиция вполне гармонична. Однако корона должна явно принадлежать чуду-юду, поскольку это было тщеславием. А что же за мяч тащит в лапах с собой эта птица? Человека, за которого она продолжает цепляться? Черт возьми, да это же жадность. Жадность и тщеславие – мои самые худшие, и самые живучие качества, с которыми мне было расстаться труднее всего.

Тщеславие во имя тщеславия, что бы то ни стало, даже когда в этом нет никакой необходимости. Я очень много сил потратила, и на то, чтобы поступить в аспирантуру, и на то, чтобы там учиться, все лишь из-за того, что хотела иметь научную степень кандидата, а затем и доктора наук. На вопрос «зачем» я туманно отвечала себе, что возможно, это как-нибудь пригодилось бы для будущей карьеры. На самом деле мне хотелось иметь звание, которое отличало и возвышало бы меня над остальными. У меня было 45 научных публикаций и 11 зарегистрированных

программ. Я действительно научилась писать очень востребованные научные статьи, и самостоятельно публиковалась (к ярости моего научного руководителя), в журналах, рекомендованных ВАК к защите докторских диссертаций. Я даже едва не вступила в Европейскую Академию Естествознания в Лондоне (EUROPEAN ACADEMY OF NATURAL HISTORY, LONDON), и мне даже прислали образец именного сертификата, но жадность не дала мне заплатить крупный вступительный взнос. В должности президента ассоциации я оказалась знакома с некоторыми очень влиятельными людьми, к тому же сумела как-то понравиться и заинтересовать их своей энергией, знаниями и интеллектом. Мы обсуждали их намерения баллотироваться на выборах мэра, и я всерьез надеялась, что, в случае их победы мне будет предложено какое-нибудь очень почетное место. Меня абсолютно не интересовал характер административно-хозяйственной работы, но мне очень хотелось иметь чин, должность заместителя мэра по стратегическому развитию казалась мне реальной и близкой перспективой. Я готова была приложить усилия, чтобы добиться этой должности, чтобы еще раз подмести шляпой пол перед высокочтимым и незабвенным моим Дмитрием Николаевичем.

Но сейчас, сделав перепросмотр своих повторяющихся снов, я оцениваю свою жизнь как компьютерную игру, на первом уровне целью было блестящее будущее и головокружительная карьера, и мне удалось, не имея практически

никаких ресурсов в возрасте 27 лет достигнуть должности президента. Не случайно фанфары звучали не долго, ведь в этой игре важно перейти на второй уровень, а не сохранить результат. На втором уровне условия и цели другие: так же, не имея никаких ресурсов научиться сдвигать точку сборки и удерживать ее в новых положениях длительное время, итогом игры будет превращение из капельки света в бесконечную линию. И я снова выиграю! Вся моя страсть и азарт принадлежат теперь этой цели, я знаю, что это всего лишь игра, что шансы мои невелики, но я знаю правила, и у меня есть стратегия, которая позволит мне двигаться с минимальными потерями. Ведь у меня нет ничего, кроме этой игры. На первом уровне у меня было бессмертие, и множество возможностей выбора поведения, сейчас же все наоборот. Я не могу вести себя, как попало, я уже в игре. У меня нет времени, силы исчезают мгновенно, смерть караулит у меня за спиной, а собственная глупость, укоренившиеся привычки и укоренившиеся схемы поведения на каждом шагу расставляют ловушки! Чем дальше я смогу пройти, тем круче и интереснее будет игра, и кто может сказать, сколько уровней еще впереди. Я могу только с восхищением склонить голову перед той силой, что создала эту игру, и меня, и играть со всей страстью, осторожностью и вниманием.

Трансформация настолько изменила меня, что все мои прежние занятия, намерения и интересы разом испарились, у меня не осталось вообще ни одного стимула приобретать

звания и чины. Раньше у меня было все, что я хотела: у меня было осознание своей красоты и обаяния, у меня был шлейф воздыхателей и поклонников. У меня были звания, чины и должности, которых я должна была добиваться, и поэтому у меня были ясные перспективы на будущее. У меня были мои обиды, чувства и привязанности, которые много значили для меня. И, наконец, у меня не осталось ничего: ни чувства собственной важности, ни мнительности, ни амбиций. Но тщеславие и здесь продолжало жить во мне. Избавившись от всех свих прежних притязаний, я страстно хотела стать величайшим магом, пока трансформация не лишила меня и этого последнего моего желания.

Я действительно приступила к магической практике из жадности, в надежде приобрести знания, силу, могущество и новые возможности. В результате и жадность, и тщеславие исчезли в неизвестном направлении, знания, сила и могущество оказались всего лишь словами, в лучшем случае аллегориями, одним из способов описания неизъяснимого.

Долгое время, осваивая искусство сновидения, я двигалась в двух встречных направлениях – я применяла технику обучения искусству сновидения так же и наяву, то есть я делала все, что необходимо делать в сновидении для контроля внимания в состоянии активного бодрствования, потому что поняла, что разница между этими реальностями условна. В результате для меня стало ясно, что настоящий момент –

это все, что у меня есть, и когда нибудь будет. В этот момент я не могу мгновенно изменить время и окружение, зато я могу осознавать себя и использовать себя, место и время по максимуму ради своей свободы. Того, что у меня есть на настоящий момент – вполне достаточно для того, чтобы идти и бороться. Воин заранее знает, что цель его недостижима, и он непреклонно добивается ее, используя для этого все свои силы и все свое время, и не ждет результатов. И каким бы ни был результат его действий, воин принимает его с чувством полного беспристрастия.

В качестве дополнительных бонусов я приобрела терпение, и способность без утомления и раздражения выполнять самую бессмысленную работу. Раньше мне не хватало аккуратности, я была настолько занята своим внутренним монологом, что повседневные манипуляции с объектами внешнего мира казались мне несущественными мелочами, не стоящими внимания. Что касается обещанных чудес, то единственным настоящим чудом для меня стало то, что я действительно изменилась. А так же наяву у меня все отчетливее стали появляться некоторые странные состояния сознания, сходные с ощущением движения по туннелям при помощи отростка, выходящего из середины тела. Эти состояния были у меня и раньше, но теперь уже я намеренно старалась продлить их, вместо того, чтобы отмахиваться от них, как прежде. Когда я рассказала об этом мужу, он со смехом указал мне на свой внушительный «отросток», выходящий

почти что из середины тела, и сказал, что движение по туннелям с помощью этого отростка действительно довольно интригующее занятие. Что сказать: мой муж действительно во всех отношениях лучше меня!

Жадность проявлялась во мне разнообразно: я, не задумываясь, могла отдавать и дарить все, что у меня есть. В пионерских лагерях я дарила свои футболки, и разные мелкие вещи. Я с трудом собрала коллекцию монет и купюр, и просто так ее отдала. Иногда я делала неожиданные подарки, на которые уходили все мои деньги. Но, тем не менее, временами мне было очень жалко денег, жалко настолько, что я начинала жаловаться и сокрушаться. Жадность моя проявлялась в том, что я страстно хотела приобретать без всякого труда разнообразные способности, знания и возможности, в которых не было острой необходимости. Одно время меня обуревала жажда знаний, которые не имели ничего общего с практикой повседневной жизни, и я была настоящим книжным червем. В другое время я была одержима встречей с олли, неорганическими существами, способными дать силу и могущество. Хотя не отдавала себе отчета в том, какими именно должны быть эти самые сила и могущество. Я хотела научиться искусству осознанных сновидений экстерном, и, не имея ни опыта, ни трезвости, ни достаточной тренировки, и перескакивала через врата сновидений с необычайной легкостью. Пока не поняла, наконец, что моя чрезмерная заинтересованность в неорганических существах, легкость, с ко-

торой мне дается практика сновидений в сочетании с беспечностью делает меня червяком, собравшимся на рыбалку. Жадность – это стремление приобрести какие-либо блага или возможности в будущем, а в мире магии нет понятия будущего, есть только здесь и сейчас. Быть жадным в мире магии – значит быть уязвимым, что равносильно самоубийству. Неуязвимый воин отбрасывает все, что не является необходимым, он не хочет стать больше того, что он есть сейчас, ведь все, что ему нужно у него уже есть – у него есть жизнь, которою надо прожить.

Наталья Юрьевна была мнительной, однажды она пребывала в состоянии растерянности и обиды на весь мир. Пока я гладила в ее комнате свои вещи, она жаловалась мне на разные мелочные обстоятельства, затем в расстроенных чувствах взяла зеркало. «Ну и что, я сейчас зато накручусь, и стану красивой». Она накрутилась, сняла бигуди, и снова взялась за зеркало. Выражение разочарования на ее лице заставило меня отвернуться, чтобы посмеяться от нее незаметно. Она не стала красивой, она стала накрученной. Тем не менее, я сама была мнительной, и озабоченной своей красотой. Чувство собственной важности заставляет человека либо постоянно быть обиженным, либо совершать разные глупости для самоутверждения, так, что ни на что другое энергии уже не хватает. Оно очень живуче и постоянно маскируется подо что-то еще: под жалость к себе, под надежду на лучшую жизнь. Чтобы освободить энергию, которую чув-

ство собственной важности заставляет тратить на то, чтобы искать и лелеять обиды, необходимо его уничтожить, и для этого достаточно иметь одно только непреклонное намерение. Карлос Кастанеда писал, что избавиться от него можно тремя путями: воин либо терпеливо выслеживает самого себя, и пресекает каждое его проявление. Либо он достигает состояния отсутствия жалости, и если он сохраняет его достаточно долго, то чувство собственной важности постепенно отмирает само по себе. Третий путь – это смерть собственной личности. Совершая детальный перепросмотр всей своей жизни, воин уничтожает свою личность и возвращает себе свою энергию, растраченную в процессе жизни. Иногда смерть происходит в буквальном смысле, но неизвестная сила возвращает мага назад.

В нашем отряде одна 7 летняя девочка взяла себе чью-то чужую вещь, Наталья Юрьевна завела ее к себе в комнату и прорабатывала ее 20 минут, за которые я успела уйти и вернуться. За это время ребенок совершенно обессилел от слез. В этом поступке моей воспитательницы раскрывается еще одна моя вредная склонность к индульгированию. Я понимаю, что человек индульгирует, если он наделяет значимостью свои ощущения, мысли, идеи, чувства, эмоции, слова и поступки, и как следствие весь, без остатка отдается своей глупости, которая полностью поглощает его внимание, и он уже не знает, как можно остановиться. Воин напротив, контролирует себя полностью, он никогда ничему не предает-

ся, даже собственной смерти, и он полностью отрешен. Ради своего выживания ему приходиться отказываться от индульгирования в пользу отрешенности.

Гражданский муж Натальи Юрьевны должен был оказаться на моей карте не случайно. Он работал тренером по дзюдо, был выше среднего роста, имел подтянутую фигуру, но был, мягко говоря, страшноват на лицо. Ему было где-то около тридцати, однако он не хотел, чтобы его мы называли по имени отчеству, поскольку из-за этого он чувствовал себя стариком. Каждое утро он бегал на пляж, и будил тех мальчишек, которые хотели бегать с ним вместе. Он был простым, хотя и не очень умным. У него даже было небольшое чувство юмора. Мы неплохо ладили, один раз он учил меня танцевать вальс, в целом его поведение было бы нормальным, если бы он открыто не мастурбировал Наталью Юрьевну в нашем с Наташей присутствии. В таких ситуациях Наталья Юрьевна смотрела на нас маслеными глазками и млела, а мы с Наташей отворачивались и выскакивали из их комнаты как ошпаренные. Нам с Наташей приходилось спать в коридоре, она со стороны девочек, я со стороны мальчиков и мы заходили к ним в комнату, чтобы переодеться. Сергей считал так же не лишним упомянуть, что Наталья Юрьевна, хоть и имела до него множество связей, но была абсолютно неграмотна в вопросах секса, а он, как ее великий учитель, сделал таки из бревна человека и научил ее кое-чему этакому. Наталья Юрьевна всегда признавала за ним такую заслугу.

Как и Сергей, я всегда была озабочена сексом и своим возрастом, а также имела потребность смеяться, шутить и заниматься спортом. Я начиталась разных книжек про сексуальное кун-фу, про таинства даосского и тантрического секса и любила интриговать собеседников своей осведомленностью в этом вопросе. Индульгирование по поводу своего возраста достигали у меня поистине невероятных масштабов, я даже написала и выпустила книгу об омоложении, которая хотя и принадлежала к серии «книга-сенсация», но все-таки продавалась с трудом. Воин, преуспевающий в искусстве сталкинга, наверное, может заниматься сексом, поскольку он в состоянии извлекать энергию из любого взаимодействия, но быть озабоченным чем-то это удел индульгирующих личностей. Точно так же силой намерения можно удерживать свою точку сборки жестко фиксированной в позиции молодости, или старости, но нет необходимости индульгировать себя в этом.

Чувство юмора, присущее Сергею, так же принадлежало и мне, однако зачастую оно переходило все допустимые границы. Я тратила очень много сил и энергии, чтобы создавать целые спектакли, в которых люди по настоящему пристрастно играли в ту ситуацию, которую я умышленно и абсолютно бесцельно создавала. Из чувства юмора я иногда доводила людей до крика, мне нравилось манипулировать бешенством орущего на меня человека, балансируя и контролируя его агрессию. Я была просто невыносима, но при этом непонят-

но почему я всегда выходила сухой из воды. По причине того же странного юмора у меня была склонность к неожиданному, вычурному и неадекватному поведению. Воин не обязан быть мрачным, но в его жизни не бывает вредных излишеств, у него нет времени для глупого поведения и бессмысленных манипуляций. Он обязан жить стратегически, экономить энергию и быть незаметным.

9

Однажды вечером, уложив детей спать, мы сидели все вместе за столом и говорили за жизнь. Наташа увлеченно, с пафосом рассказывала о том, что главное в ее жизни, это любовь. И что она остаток своей жизни посвятит тому, чтобы добиться любви и впоследствии выйти замуж за одного человека. Я спросила, кто он и чем он занимается, она ответила, что он наркоман. Здесь мы с Сергеем переглянулись. Я спросила у Сергея, почему он развелся со своей бывшей женой.

– Она была толстая.

– То есть? А до этого она была толстой?

– Нет, но потом она растолстела. Я когда начал встречаться с девушкой (он указал на Наталью Юрьевну), то очень удивился, что могу ее обнимать, и у меня еще остается свободное место между рук.

– А вы как расстались со своим бывшем парнем? В смысле, с отцом ребенка.

– Я не знаю, кто ее отец, у нее в свидетельстве о рождении стоит прочерк.

Тут в двери веранды начали стучать. Это пришли за мной Андрей, Денис и Юля, те самые, с которыми я приехала в лагерь. Еще днем, они разыскали меня на территории. Три темные пошатывающиеся фигуры были слишком необычным

явлением в лагере, их было видно издалека. Они с утра уже приняли. Они все трое мне очень нравились своей непосредственностью, своей беззаботностью, удалью и энергией, тем, чего не было ни у одного обитателя лагеря. Конечно же, я была рада снова их увидеть, и весело приветствовала их, но куда-то идти с ними не было в моих планах. Я была сама по себе, и считала, что и они должны были быть сами по себе. Я сказала, что рада тому, что они меня нашли, но ко мне сюда нельзя приходить, поскольку у меня очень злая воспитательница, которая не разрешает мне их видеть, и что только если она узнает, то у меня будут очень серьезные неприятности. Они мне поверили, но вечером снова пришли за мной. Я не собиралась идти с ними и попросила Сергея объяснить им, что злая воспитательница меня не пускает. Сергей вышел, поговорил с ними несколько минут, и зашел обратно. Эти трое произвели на него впечатление: он был взбудоражен.

– Они серьезно там настроены. Один, тот, который не высокий, с этим мне вообще будет трудно сладить. А другой, который повыше, если его толкать, он будет падать, но все равно вставать и идти напролом.

Мы снова начали разговор, но в двери опять начали настойчиво тарабанить. Серега ходил по веранде, он силился что-либо предпринять, прикидывал разные варианты, вроде потушить свет, и сделать вид, что все легли спать, или забаррикадировать дверь изнутри. Я сказала, что если они пой-

мут, что он это сделал, то разобьют окно. Выходить к ним снова он не решался. Я знала, что я одна – причина такого шума, но это меня не волновало, я сидела спокойно, и не собиралась ни выходить, ни разговаривать с ними через дверь. Я знала, что лучшее в этой ситуации не отвечать на запросы. Минут через двадцать стук прекратился и они ушли.

На следующий вечер они снова меня нашли. Уже заканчивалась дискотека, было темно, я взяла у мальчишек фонарик поиграть, и сидя в стороне на лавочке, освещала людей, стоящих в слабо освещенных местах. Луч фонаря осветил три знакомых фигуры, которые выходили из темноты. Я узнала их и подошла к ним сама, чтобы не светиться перед детьми и сотрудниками, потому что выглядели они как пьянчуги и бомжи, а я не хотела делать при всех нечто экстраординарное, и навлекать на себя тем самым поток сплетен и обсуждений. После нашей поездки по холмам у меня было какое-то неопределенное чувство родства с ними, меня неодолимо тянуло к ним.

– Привет, мы тебя искали вчера.

– Да, я знаю. Мне сильно попало от воспитательницы. Тут серьезно все, вплоть до увольнения.

– Мы сегодня уезжаем, пойдем, проводишь нас?

Я пошла. Мы все вместе прошли чуть дальше через кусты, на почти не освещенную лавочку. Там все стали в кружок, Денис достал водку, и разлил ее по стаканам на лавке. В темноте я не разглядела, сколько мне налили, и шарах-

нула разом полстакана. Вся компания долго смеялась надо мной, как я взвыла от неожиданности. Запивать и закусывать было нечем, Денис сжалился надо мной и нарыл семечек из кармана. Оказалось, с самого приезда они почти неделю пребывали где-то поблизости, так и не добравшись до дома, а сегодня ночью они поедут домой. Я знала, что это была абсолютная правда, они были просто не способны на вранье. Их поступки не показались мне нелепыми, такая компания не жила по законам человеческой логики. Постояв еще немного, мы все вчетвером пошли к воротам. Было темно, я была пьяная, я была в тот вечер на каблуках и спотыкалась, идя по траве. Андрей подхватил меня за руку.

– Держись, ноги сломаешь.

– Ага.

Мы пошли парами. Юля и Денис прошли вперед, к воротам. Мы проходили мимо кустов, в следующий момент я стояла уже спиной к ангару, в котором во время дождя проводились мероприятия. И сама не знаю, как и почему целовалась с Андреем. Это был разрыв непрерывности восприятия, и хотя я и удивилась самой себе, я не чувствовала неприятия к нему. У обычных людей глаза направлены вовнутрь, на самого себя, у него же глаза были развернуты на мир вовне, он вообще не был сфокусирован на самом себе и как следствие начисто лишен саморефлексии. Поэтому ни он сам, и никто другой абсолютно ничего не мог сказать о нем, как о человеке. У него не было распорядка, ни он и никто другой не знал

о нем что-то наверняка, и это было свободой. Он не имел никаких представлений о себе самом, и я тоже не воспринимала его ни как мужчину, ни как объект вожделения, но это меня не пугало и не отталкивало, и даже не интриговало. Я принимала все, как есть. Я поняла, что я пьяная настолько, что уже не помню, как очутилась у ангара. Но я с самого начала безоговорочно доверяла этим созданиям и не о чем не волновалась. Я чувствовала себя с ними защищенной. Юля с Денисом начали кричать нас, мы пробрались обратно через кусты, я удивилась, как я могу этого не помнить, ведь тропинки там не было никакой. У ворот мы расстались, они пошли по дороге по направлению к пляжу, я осталась стоять у ворот. Пройдя немного, они все трое повернулись, и замахали мне руками. Я тоже махала им. Потом они скрылись из виду, и я пошла к себе в отряд. Даже на ровном асфальте я то и дело спотыкалась. Я всю дорогу соображала и поражалась тому, что я пьяная, и что я напилась. Эпизод с поцелуями у ангара как-то сразу вылетел из головы, памяти абсолютно не за что было зацепиться.

10

Наташа, не смотря на натянутые отношения с ненавистной воспитательницей, продолжала ходить к подругам в другой отряд. Однажды вечером она взяла меня с собой. В то вечер у них там, на веранде была импровизированная вечеринка. Там уже была воспитательница, которая вскоре ушла спать, две девчонки – вожатые из этого же отряда и двое мужчин лет 35. Один был понурый и скучный, второй напротив извергал фонтаны остроумия и всячески выделывался перед аудиторией. Понурого звали Игорь, а арлекина Андрей. Андрей сидел слева от меня, и он почему-то решил, что вправе делать со мной все, что ему заблагорассудиться. Рисуясь перед всеми, он открывал охотничьим ножом консервную банку со шпротами. Затем он схватил меня за левую руку, прижал ее к столу, на котором была газетка, и начал последовательно втыкать нож у меня между пальцами. Я ощущала страх в животе, мне не хотелось получить увечье, но я не шевелила руку, и не возражала, боясь нарушить его концентрацию, ведь когда мы подошли, все в этой компании уже были слегка навеселе. Затем он сделал то же самое со своими руками, сначала с левой, а затем с правой. Его бесцеремонное поведение мне не понравилось, но уходить из-за этого я не собиралась. Мне всегда нравилось адаптироваться к совершенно разным компаниям, и в некоторых случа-

ях я иногда даже задавала тон. Тогда Андрей развернулся ко мне, и начал что-то оживленно рассказывать, он бесконечно скалил передо мной свои зубы, выставлял вперед грудь и размахивал руками у меня перед носом. Я слегка отвернулась, и стала смотреть на стол. Тогда, чтобы привлечь мое внимание он начал с каждым своим утверждением втыкать мне свой указательный палец в левое колено. Это было уже чересчур.

– Так! – сказала я, и, задержав паузу, посмотрела на него в упор, – Не надо пальцами тыкать!

Он откинулся назад, и начал с пренебрежением крутить руками в воздухе.

– Ой, ой, ой! Какие мы недотроги тут сидим! – это была явная издевка, и он явно намерен был продолжать в том же духе. Он думал, что я начну плакать от жалости к себе, а он сможет это использовать и посмеяться надо мной. Но я была абсолютно жесткой, холодной и твердой, я готова была умереть здесь на месте, и скорее луна бы свалилась с неба, чем он нарушил границы, которые я определила вокруг себя.

– Может быть, я и не недотрога, – тон моего голоса был спокойным и непреклонным, – но Вам, Андрей, этого делать не полагается.

Он понял, что я буду стоять до конца, и что я внушительнее и сильнее его. Что я не сдвинусь, и не брошусь в истерику, что я не позволю ему продолжать в том же духе, чего бы это ни стоило. За мной была твердость, безжалостность

и беспристрастность, а за ним была всего лишь разнузданность. Поэтому он отступил, и извинился передо мной. Зато он начал крутить руками перед носом другой вожатой. Похоже, они были друг к другу неравнодушны, она ему потакала, и вскоре он начал трогать ее руками. Чуть позже все разошлись, и, идя к себе в отряд, мы с Наташей видели, как Андрей шариться по кустам со своей новой пассией.

На следующий день Наташа сказала мне, что подружка ее закадрила себе того мужика, что у них все на мази. И компания в том же составе, что и вчера (двое мужчин, и четыре девчонки, включая меня и Наташу) собираются ночью на речку – рыбачить и сидеть у костра. Мы посовещались с Наташей и решили поехать – Андрей был всецело занят новыми отношениями, и как следствие уже неопасен. А Игорь был тюфяком, от которого не будет никаких неприятностей. Провести ночь в лесу у костра было интереснее, чем просто спать.

Вечером, когда дети уже давно спали, Игорь с Андреем подъехали к отряду, где мы сидели вчера. Другие девушки были готовы, и зашли за нами, мы с Наташей тоже оделись и вышли. Все девчонки сели на заднее сиденье в старенькие белые Жигули, Игорь был за рулем, Андрей упрямо жестикулировал и шутил на переднем сиденье. Мы поехали к главным воротам, но они оказались закрыты, через ту калитку, которая вела на пляж, проехать было нельзя. Поэтому в темноте мы поехали искать другие ворота. Было темно, мы ез-

дили по лагерю с включенными фарами, вдруг внезапно из-за кустов показался поворот, мы повернули, и на всем ходу вписались в закрытые ворота. Все девчонки ухнули и подпрыгнули. Ворота отвалились, и остались висеть на одной петле, а мы поехали дальше.

Мы приехали на берег реки, скрытый от нас за кустами. Мужики разожгли костер, достали котелок и положили варить в него мясо, которое привезли с собой и держали в холодильнике в столовой. Брать мясо из дома и варить его на костре в лесу показалось мне очень необычным. Разлили по стаканчикам водку, все выпили, кроме меня. В этой компании, как и вчера, пить я не собиралась. Андрей со своей подружкой ушли в кусты. А мы вчетвером сидели у костра до самого утра. Небо светило яркими звездами, ясная неполная луна не давала отвести от нее глаза. Шелест речки сливался с шелестом листьев. Со стороны костра было жарко, с другой стороны было холодно. Мы с Наташей сбились в кучку, чтобы поддерживать друг друга и греть замерзающие спины. Игорь пытался нас развлекать. Он рассказал, что с Андреем они друзья детства, и что они каждый год приезжают в лагерь, чтобы познакомиться тут с девушками. Он сказал, что оба они были женаты, но по разным обстоятельствам развелись. Не зная, что еще рассказать о себе, он начал занудно жаловаться на скуку повседневной жизни и на то, что ему совершенно нечего делать. «Андрей тот еще держится, он хоть туда-сюда, а я…» – он безнадежно махнул рукой

и замолчал.

Жизнь этих людей предстала передо мной в своем нескончаемом однообразии и скуке. Они оба были с червоточиной, и оба были неудачниками. Один безнадежно устал от жизни, и от самого себя, и совершенно не знал, чем себя занять, за исключением индульгирования в жалости к самому себе, чему он предавался с особой страстью. Второй был его обратной стороной, он так же считал жизнь скучной и бессмысленной штукой, в которой не было для него ничего интересного, ничего такого, за что стоило бы бороться, и, может, даже отдать свою жизнь. Но в силу своего темперамента он не ныл, а стремился поскорее промотать свою жизнь, и активно искал утешения и забвения в разнузданности, поисках адреналина и нарушении социальных норм поведения. Они оба не знали, чем заняться и вообще, зачем жить, и оба считали себя жертвами обстоятельств.

Для воина такое отношение к жизни не возможно: он не может быть жертвой обстоятельств, потому что несет ответственность за каждое свое действие, он не имеет времени, ни на то, чтобы испытывать жалость к себе, ни на то, чтобы скучать. Его жизнь наполнена до краев, он не ищет способов убить время: каждая секунда идет в счет, и каждая секунда отдана борьбе. И он должен быть готов каждую секунду стоять насмерть, здесь и сейчас, и знать, что пока смерть не объявила на него свои права, нет ничего прекраснее этого мгновения. И поэтому в это самое мгновение он должен действо-

вать, раскрывая свои лучшие силы, так, как будто это и есть его последний поступок на земле. Он живет в состоянии тотальной войны, он знает о намерениях своей смерти, и поэтому он полностью р_а_с_с_л_а_б_л_е_н. Смерть не знает ни малых, не великих дел, в ее присутствии значение имеет только одно – безупречность.

Наступил промозглый рассвет, костер постепенно угасал. Глаза слипались от дыма и усталости. Игорь удивлялся и сокрушался тому, что мясо, которое варилось всю ночь, так и осталось почти сырым. Андрей с подружкой вернулись, он достал из машины спиннинг и поймал щуку. Мы сели в машину, и поехали назад в лагерь.

11

В лагере было принято эксплуатировать вожатых по полной программе. Кроме того, мне и самой нравилось работать с детьми, поэтому я была загружена и сильно уставала. Суета меня сильно утомила, у меня ничего не было, кроме кровати в коридоре, на которую я приходила, когда весь отряд уже спал, и утром я вставала тоже раньше всех. Мне хотелось хоть немного побыть одной, но в лагере это было совершенно невозможно. Один раз я просто ушла от всех, и провела полдня в лесу. Я нашла сломанное дерево, которое крепко в 2 метрах от земли, застряло между других деревьев. Я залезла на него и пролежала полдня, глядя на плывущие облака. Потом я еще несколько раз приходила и ложилась на него, но не могла уже на нем долго оставаться, мне все хотелось куда-то встать и идти. Понимая, что в лагере мне отдохнуть не удастся, я решила провести свой выходной дома. В город я поехала с родителями, которые приезжали навестить ребенка из моего отряда, а обратно я решила вернуться на машине, которая ходит в «Лесные поляны», потому что отправлялась она почти из центра города и я теперь наверняка знала, когда и откуда. Снова искать грузовик, который возил продукты в «Дружбу» мне не хотелось, я была не уверена, что в прошлый раз правильно сориентировалась в поселке.

Я приехала домой под вечер, и узнала, что мама моя лежит

в больнице с сердечным приступом. После смерти папы моя сестра с мужем и племянницей пришли жить к нам, и дома находиться стало просто невозможно. Я не сомневалась, что они ее просто доконали. Это было время постоянных конфликтов, в центре которых была моя сестра. Она конфликтовала с мужем, потому, что она ненавидела его, постоянно отшвыривала дочку, потому, что она ей мешала, и постоянно орала на маму, потому что мама не хотела оставить ее в покое. Кроме того, она постоянно ругалась со мной, потому что я их выгоняла: я хотела, чтобы они, как и раньше, жили отдельно. К тому же я во всех конфликтах бурно защищала маму и племянницу.

Я купила маме бананов, яблок, печенье и вафли, и направилась к ней в больницу. Когда я подошла, было уже часов 10, она не смогла бы ко мне выйти, но я очень хотела ее увидеть – ведь завтра в 11 утра мне нужно было уже ехать в лагерь. Я обошла больницу, обнаружила одну открытую дверь, и зашла. Незаметно пробравшись на второй этаж, я нашла кардиологическое отделение, и зашла в палату №2, в которой лежала мама. За все это время мне никто не встретился из персонала. Я знала, что меня непременно выгонят, если увидят в коридоре, и поэтому пробиралась очень осторожно. Мама была очень удивлена, увидев, что я зашла в палату. Я просто сияла, потому что мне удалось просочиться, и потому, что наконец-то я вижу свою маму. Мы тут же бросились обниматься и целоваться, а больные из чувства солидарно-

сти сразу же дали мне халат. Они решили, что если войдет дежурная медсестра, то они все скажут, что я новенькая. Я сказала, что завтра утром уже уезжаю обратно в лагерь. Мама хотела положить меня вместе с собой, но сама собой нашлась кровать в углу для меня, и я осталась ночевать в палате. Меня напоили чаем, и женщины в палате не могли наудивляться, какая все-таки у мамы дочь. Утром мама отдала мне свою кашу, мы попили чай, вышли с ней на улицу, расцеловались, она забрала у меня халат, и я сразу же поехала к условленному месту ждать машину в лагерь.

Искусство сталкинга заключается в том, чтобы быть незаметным в любой ситуации, воин никогда не противопоставляет чему-либо себя прямо. Выйти на прямой конфликт для него было бы непоправимой ошибкой. Он никогда не выходит на первый план, и поэтому он все знает, все учитывает, все контролирует, и всегда выглядывает из-за сцены.

Я приехала на полчаса раньше, и села на лавочку. Рядом сидел парень, он тоже ехал в лагерь, и мы познакомились и разговорились. Его звали Макс, я видела его в институте, он учился на инязе, где он постоянно ходил с двумя своими друзьями. Он сказал мне, что работает в «Лесных полянах» вместе с ними, и они там тоже ходят всегда втроем. Макс был симпатичный на лицо, но маленький и щуплый. Другой из них был длинный, с лицом, изъеденным каким-то воспалением, его звали Вова. А третьего звали Серега, волосы у него были пострижены площадкой, и с виду он был

типичный качок. Каждый по отдельности был колоритным, а все вместе они выглядели очень смешно.

Макс рассказывал о том, что он был неформалом, так же, как и его отец, с которым они понимают друг друга с полуслова и иногда даже меняются джинсами. Образ престарелого неформала вызывал у меня сожаление – он видимо упустил момент, когда нужно прощаться с детством, а может, так и не понял, зачем и почему он должен меняться. Потом Макс рассказал, что у него есть знакомые сатанисты. Я заинтересовалась, чем они занимаются. Макс сказал, что они полоумные отморозки, и что они уродуют могилы. Один раз они поймали священника, и вырезали у него ножом на спине пентаграмму. Меня передернуло от отвращения. Зато, он сказал, у них есть некоторая интересная литература по сатанизму.

Я с 13 лет общалась с существом, которое называло себя Дьяволом, и я знала, что ему нет абсолютно никакого дела до деятельности сатанистов. В первый раз он напугал меня до смерти, когда появился передо мной из воздуха в образе монаха, затем он стал появляться в образе прекрасного блондина, и я была без ума от него, тем более, что у него было непревзойденное чувство юмора, он говорил мне комплименты и разные фамильярности.

Он всегда тонко чувствовал мое настроение, и все про меня знал, временами его высказывания просто поражали меня своей глубиной и поэзией. Я любила жаловаться, и не жела-

ла изменяться, однажды, когда я просила его мне помочь, он мне ответил: «я не могу сделать тебя лучше». В другой раз он сказал мне, что моя жизнь должна быть легче, чем перышко, скользящее по воде. Это описание никак не может характеризовать его, потому что в общении он использует только мои качества и желания, а сам остается непостижимым созданием, я до сих пор знаю про него только то, что ничего не объясняет. Он является таким потому, что я сама забавное и жизнерадостное существо, будь я мрачной и склонной к экзальтации, наверное, он был точно таким же.

Я никогда не сомневалась в его реальности, как и всего того, с чем мне приходилось встречаться – для меня реальностью было то, что я могла увидеть и потрогать, а я могла его и увидеть и потрогать. Потом он начал общаться со мной в виде голоса, и иногда в виде чего-то неопределенного, надвигающегося из темноты, и висящего перед моим лицом в 30 сантиметрах. Я видела светящуюся точку в темноте, которая должна была быть его левым глазом. Я видела его и в снах, и в осознанных сновидениях, мы разговаривали до бесконечности, я привыкла к нему и полностью ему доверяла. Иногда он принимал поистине кошмарные формы, но я всегда распознавала его, и не испытывала ни страха, ни недоверия. «Да-да, я персонаж не из приятных» – со смехом говорил он мне, когда я начинала вопить и возмущаться, что он появляется передо мной в таких жутких формах. В образе блондина он брал меня за руку, и из меня выходила моя же

прозрачная фигура. Я могла фокусировать внимание на деталях того окружения, куда он меня брал, в следующий момент я могла фокусироваться на окружении своего телесного тела. Так же я могла воспринимать окружающее в двух местах одновременно, но тогда мое внимание расплывалось. Он мне подробно объяснял все увиденное. Однажды он взял меня с собой в мир, описание которого я позже нашла у Кастанеды. Поскольку я имела маниакальную страсть записывать все, чему не было объяснения в моей жизни, я сохранила заметку об этом, и полностью ее приведу сейчас:

«Стремительно вылетев из тела, я мгновенно очутилась на внешнем ободе огромного вращающегося жернова, удаляясь от себя, и уже я потеряла себя из виду, как увидела себя на жернове своими глазами. Жернов казался твердым внутри, я была песчинкой. Вдруг я поняла, что могу узнать, что внутри него и прыгнула внутрь – оказалось это очень легко. Белые, черные и серые пузыри, кругом разворачивались, вращались и двигались. Вдруг я поняла, что я лечу с бешеной скоростью и падаю в какую—то черно-красную яму. Свет был неясным и грязным. Она все приближалась, приближалась и приближалась, по сторонам разворачивались стены, я поняла, что не могу остановиться, и не могу даже оглянуться. Он очутился рядом, выхватил, и зашвырнул в комнату.

– Ты что, коньки отбросить хочешь? Не делай ничего без меня! Пока».

Этот мир древние маги называли лабиринтом светотени,

можно сказать, что он начинается за вторыми вратами сновидения. Позднее он снова брал меня в лабиринт светотени, там мы скользили по туннелям, и просачивались друг через друга разными способами: он наматывался на меня, я выползала, сворачивалась в кольцо, и он проходил через центр.

Дважды он показывал мне Господа Бога, и то, что я видела, было близко к описанию человеческой формы, сделанному Кастанедой. В обоих случаях Бог был сидящим истуканом огромной величины, а мы с эмиссаром скакали, как шарики пинг-понга по его золотым одеждам. Я долгое время в глубине души была очень религиозна, к тому же легко и незаметно для самой себя впадала в одержимость. Желая здоровья своим близким, иногда я молилась на протяжении нескольких суток, и молилась даже во сне. Увидев человеческий шаблон в первый раз, я испытала невероятное потрясение, я ненавидела и презирала его до исступления. Ведь все надежды на Творца были вмиг разбиты, он не видел, не слышал, и вообще никаким образом не мог влиять на происходящее. Увидев то же самое во второй раз, я поняла, что религиозная тема для меня не представляет больше никакого интереса, хотя по привычке продолжала молиться.

Кроме изысканной болтовни, и полетов в другие миры он иногда еще заходил в мое тело и показывал разные чудеса. Один раз я шла по улице, и он показал мне, что у меня из пупка могут выходить какие-то нитки, (описание которых тоже есть у Кастанеды), и что я могу находиться на их кон-

цах, и буквально ощупывать ими камни, лежавшие на дороге впереди меня, и деревья по сторонам дороги. Это было очень тонкое ощущение. В другой раз он чуть не свел меня с ума, показав, как можно управлять кровообращением: в один миг все мои вены, артерии, сосуды и капилляры стали, бешено пульсировать, я обезумела и едва не помчалась с криком. Тогда он все это прекратил, и научил меня вызывать то же самое ощущение в пальце. У меня никогда не было больше желания практиковать это и вряд ли будет. Он объяснял мне некоторые упражнения, и объяснял, для чего они, но я почти никогда их не делала, во-первых, потому что меня трудно что-то заставить делать, а во-вторых, потому что человеческая жадность является для неорганических существ предметом постоянной потехи.

За 15 лет дружбы с ним я практически не индульгировала на эту тему, понимая, что мне никогда не разгадать эту загадку. Я читала, что к некоторым продвинутым йогам приходит какой-то бестелесный гуру, а так же иронизировала, что к поэтам приходит муза, а к поэтессам «музык».

Правда, у меня бывали приступы индульгирования, о которых я сейчас вспоминаю с иронией. В первый раз мама моя рассказала, что в молодости все ее подруги вышли замуж, а она одна все никак не выходила, и ее знакомая, увидев ее, издали крикнула ей: «Замуж то вышла?» Мама крикнула ей, что нет. «Да за кого ж ты выйдешь?» И мама моя в шутку крикнула ей: «За дьявола». Мама забыла этот эпи-

зод, и когда вышла замуж, и родила двоих детей, ей приснился сон, в котором она убегала от чего-то огромного и страшного, и спасала нас с сестрой. В конце концов, она остановилась, и увидела дьявола, который сказал ей, что раз она не сдержала свое обещание, и не вышла за него замуж, то должна будет отдать ему своих детей. Мама в ужасе закричала «нет!» и проснулась. Тут я не выдержала и под влиянием момента со слезами рассказала маме, что я уже давно общаюсь с Дьяволом. Мы с ней рыдали, и обнимали друг друга, она говорила, что никогда меня не отдаст, и что все будет хорошо. Я была уверена, что так и будет. Однако прорыдавшись, я и не думала прекращать с ним общаться, тем более, что он и не собирался меня никуда забирать, а мама моя больше никогда не разговаривала со мной на эту тему.

В другой раз я подвергала себя сеансу экзорцизма (изгнания дьявола) в одной из церквей, толпа людей во главе со священником трясла меня и кричала: «дьявол, выйди вон!» до тех пор, пока я не поняла, что в исступлении они меня разорвут, и стала кричать, что дьявол уже вышел. Тут на радостях все принялись меня обнимать и целовать. Это был настоящий дурдом.

Последний приступ индульгирования заключался в том, что я стала домогаться до эмиссара, чтобы он, в конце концов, объяснил мне, кто он есть на самом деле. Мы договорились, что во сне он откроет мне эту тайну. В ту же ночь мне снился Андрей Тюрин, тот человек, которому я звони-

ла с замиранием сердца и читала по бумажке все, что хотела сказать. Я видела его невероятную энергию во сне. Я просила объяснить его, как мне преодолеть пропасть, и он указал мне на лестницу, ведущую вниз, которой не было там раньше. Затем внизу мне указали на потаенное место, куда я пошла, чтобы открыть страшную тайну. Я знала, что разгадка близка, я нашла какой-то сосуд, и когда я взяла его, откуда-то сверху резко что-то свалилось, и упало рядом со мной, я испугалась, но достала из сосуда записку, в которой были написаны какие-то строки, напоминающие библейское Откровение. Я прочла, но не поняла, что это значит. Тогда появилась моя мама, и сказала, что это из Апокалипсиса, слова о том, что придет Антихрист. Я испытала шок и резко проснулась. Все это было очень мне неприятно, я знала, что нет никакого Антихриста и нет никакого Дьявола. А когда я начала возмущаться, и выражать свои чувства, эмиссар опять принялся фамильярничать. В итоге я разозлилась и решила прекратить отношения. Но через месяц я поняла его юмор – моя безмерная страсть к персонификации и к разгадке загадок заставили его продемонстрировать мне такой жуткий сон. Еще позже, когда я делала перепросмотр своих снов, он помог мне расшифровать каждую деталь. Андрей Тюрин – моя надежда на лучшую жизнь, я всегда стремилась подняться вверх по карьерной лестнице, пути вниз для меня не существовало, и именно этот мужчина, поскольку мы с ним одно и то же, указал мне, что есть возможность идти куда угодно.

Спустившись в бездну, я встречусь со знанием, пугающая сторона которого не принесет мне вреда, но чтобы понять его, нужна самая простая интерпретация. Первое знакомство со знанием – всегда шок, или же эмоциональная вспышка.

Я знала, что он еще страшнее, чем дьявол, поскольку он – что-то абсолютно чуждое нашему миру, и что-то абсолютно безличностное. Но я люблю его, как никого другого и он мне до смерти симпатичен, поэтому мы продолжаем нашу непостижимую дружбу до сих пор. И, скорее всего, любовь моя вызвана радостью самолюбования, и пристрастием к зеркалам.

Читая Кастанеду, я нашла точное описание этого поразительного создания, я узнала его с первых строк, когда Кастанеда писал, как он бегал по дому в поисках того, кто с ним говорит, и думал, что сошел с ума. Я смеялась до изнеможения, когда нашла описание их разговоров – его утонченная, а иногда и грубая лесть была слишком узнаваема. Кастанеда писал, что «болтливый монах» пугал дона Хуана каждый раз до безумия, когда появлялся пред ним, и ужасающего монаха я тоже запомнила на всю свою жизнь. Но самое главное было в том, что эмиссар давал абсолютно точные и подробные, и абсолютно бесполезные сведения, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть в нашем мире. Поразмыслив немного, я подумала, что его и впрямь можно называть Дьяволом.

Но сатанисты, по ночам уродующие могилы и завываю-

щие на перекрестках никак не пересекались с этой темой. Поэтому я не стала больше заострять внимания на разговоре о них. Тогда Макс начал рассказывать о вечеринке, которая недавно была у него дома. Он сказал, что надел мамины колготки и красный махровый банный халат, повязал на лоб красную повязку, слегка обнажил грудь, вышел на балкон и сделал игривый жест пальцами проходящему мужику. Мужик остановился, и мягко сказать, обалдел. Когда Макс начал посылать ему томные воздушные поцелуи с балкона, все его друзья взвыли от смеха, а мужик рассердился, плюнул, и ушел. Вечером, когда все разошлись, вернулась его мама, и нашла свои колготки в ванной, которые он снял там и забыл. Начался допрос, как ее колготки попали в ванную, и вообще, кто их одевал. Я буквально сползала от смеха под лавку. Макс сказал, что поскольку он не хотел говорить ей правду, он попытался соврать, что это одна из девчонок видимо, напилась на вечеринке и забыла свои колготки. Его мама сказала, чтобы он не пудрил ей мозги, и стала его прижимать. Дело приняло очень серьезный оборот. Макс сказал, что тогда он поступил так, как всегда поступал в конфликтах с родителями, а именно закричал: «Да! А еще я наркоман!» и ушел, хлопнув дверью. Я смеялась, и в то же время думала, что не только в педучилище учатся дураки, но и в институте тоже полным-полно идиотов.

Воин никогда не может принести в свою жизнь то, что окажется для него неожиданностью и что может застать его

врасплох. Он привык за каждый свой поступок нести ответственность, он отдает себе полный отчет в своих действиях, поскольку ему каждую секунду приходиться выслеживать самого себя и жить в условиях строжайшей дисциплины и самоконтроля. Нет ничего невозможного, когда на карту поставлена его жизнь, и может быть даже тот самый неизвестный фактор, который определяет всю его судьбу.

Потом я расспросила Макса о жизни в «Лесных полянах». Он рассказал, что вожатые между собой не дружат, и только те, что остались с прошлой смены, вспоминают, как весело было в прошлую смену. Он сказал мне так же, что Дима живет не со своей невестой, и не с мамой, а с другом Ромой. И что когда у них в лагере был КВН, то он выступал за команду персонала, а не за вожатых. Олена, его невеста, была вожатой. Макс пригласил меня приходить к нему в гости, я сказала, что, наверное, приду, но уже точно знала, что пойду не к нему. Я уже описала выше, как отважилась придти к Диме, и, не смотря на все желание с моей стороны, так и не смогла подойти к нему ближе, чем на три 3 метра.

Мы ехали в лагерь, рядом с нами с непробиваемым фэйсом сидела начальница «Лесных полян» Любовь Константиновна. Она всю дорогу всем своим видом демонстрировала необходимость соблюдения субординации. По иронии судьбы, через 6 лет механический завод, которому принадлежал лагерь, отказался от его содержания, и этот лагерь взяла под свое крыло организация, в которой я впоследствии

стала президентом на три с половиной месяца. За это время мне приходилось общаться с Любовью Константиновной, которая, разумеется, не могла меня вспомнить. Но отношение было другим – она постоянно озадачивала меня нескончаемым потоком проблем, и в то же время она раскрыла свои самые лучшие качества, была очень доброжелательна ко мне, и даже называла меня дочкой.

Люди пристрастно играют в социальные игры, у них принято опускать взгляд перед человеком, обладающим более высоким рангом, или дружить с ним, и требовать, чтобы перед ним опускали взгляд люди с более низким рангом. Причем ранжирование глобально вписано в ткань повседневных взаимодействий, и оно не связано только с карьерой. Какая-нибудь неожиданная наглость или уверенность в собственном превосходстве одного из присутствующих иногда заставляет окружающих изменить свои намерения или мнения.

Для воина нет необходимости склоняться перед кем бы то ни было, и тем более требовать, чтобы кто бы то ни было признавал его заслуги. Для него достаточно одного неизменного спутника и соглядатая – собственной смерти. Воин каждую секунду отдает борьбе с собственной важностью, чтобы в итоге стать тем, кто он есть – всего лишь пылью на дороге.

12

Вернувшись в лагерь, я встретила там своего знакомого Вовку Смолягина. Он учился со мной на одном факультете, и был на курс младше меня. Мы знали друг друга по институту, как раз до отъезда в лагерь он вместе с моим сокурсником Сашей Лужиным приходил ко мне в гости. Мама моя отвела меня в сторонку и с недоверием спросила, кто это такие. «Не бойся мама, это хорошие ребята, они со мной вместе учатся». На пороге стоял Вовка – лысый, с хорошей выправкой, в галстуке и в строгом костюме. Рядом с ним был Саша – с длинными волосами, сосульками свисающими на глаза и уши, сутулившийся, в грязном растянутом свитере, и в драных джинсах.

В тот день я смеялась до упада над их выходками. Когда я поила их чаем, Вовка достал из морозильника мясо, начал строгать его, и есть, а Сашка рассказывал о том, как он лежал в психбольнице, чтобы закосить от армии. Потом Сашка незаметно отдал мне тетрадку со своими стихами, и они еще долго толкались в коридоре, прежде чем уйти. Каждый хотел вытолкнуть за дверь конкурента, чтобы сказать мне напоследок что-то важное, что не мог сказать в присутствии другого. Я уже не могла больше над ними смеяться, и вытолкала их обоих за дверь. Они не обиделись. Сашка потом пришел ко мне еще раз, злой, взбудораженный и забрал свои стихи. Он

был явно зол, что дал их мне. В промежутках между стихами было что-то вроде дневника, в котором он писал о своем стремлении умереть, о том, что в Москву приехала культовая рок-группа «Deep Perple» (?), а он не может ничего сделать, чтобы попасть на концерт. Мне казалось, что в нем есть не просто злость, а скрыты какие-то неопределенные резервы, и однажды мне удалось разгадать эту загадку. В активах у Саши было то, что он просто изумительно целовался, у него была превосходная артикуляция, и он был прекрасным собеседником. В пассивах была его невероятная гордость и раздолбайство, которые никогда бы не позволили ему вырваться за пределы нищеты, в которой он жил. Вовка же раздолбаем не был, он был умным и интересным мальчишкой, но чтобы не казаться пай-мальчиком, он нарочно напускал на себя легкий флер оболтуса и разгильдяя. С Вовкой мы больше не виделись, потому что они приходили ко мне на каникулах, а потом я уехала в лагерь.

Это была наша следующая встреча. Волосы у него уже успели отрасти. Я была рада его видеть, поскольку глупость окружающих меня утомила. Сначала мы вместе с другими вожатыми сидели на скамейке, затем стало совсем темно, и все разошлись. Мне не хотелось уходить – я была рада поговорить хоть с одним нормальным человеком в этом лагере. К тому же, Вовка был хорошим рассказчиком, а я хорошей слушательницей. Мне было все равно, о чем с ним разговаривать, сначала он учил меня играть в покер, но у ме-

ня не хватало концентрации, к тому же я прекрасно знала, что никогда не буду в него играть. Он рассказал, что приехал в лагерь к своему двоюродному брату Алексею, тому самому, которому я задавала вопрос о величине ушей. Я отметила их сходство и сказала, что они похожи и не похожи одновременно, потому что каждый красив по-своему. У Вовки были очень правильные и красивые черты лица. Он был намного выше меня. Но у него были узкие плечи, что делало его похожим на мальчика-переростка. К тому же он много курил, что плохо отражалось на его зубах. Мы посидели еще немного, потом Вовка рассказал мне, как ходил к гадалке, и она сказала ему, что в его сердце находиться девушка, которая постоянно ходит в штанах. Я не могла себе представить такую девушку. Он посмотрел на меня и сказал, что думает, что это я. Я закрыла лицо руками и стала смеяться, так, как будто меня застукали за необычным занятием. Я купила себе джинсы, и они мне так понравились, что целый год я одевала их утром и снимала вечером. По необходимости я их стирала, гладила и одевала их снова. В этих джинсах я была в лагере, они уже начали у меня расползаться на коленях. Мне было так удобно, что я даже не замечала, что все время хожу в одном и том же, и не думала, что кто-нибудь может обращать на это внимание. Оказывается, некоторых парней моя одежда очень интересовала. Потом, после лагеря, вернувшись в институт, еще один мой назойливый ухажер передал мне свой дневник, чтоб я знала, как

он страдал. Он надоел не только мне, но и всем, кто со мной учился, и я дала его дневник читать своим подругам. Половина моей группы вместо того, чтобы писать лекции, читали его дневник и ржали. Когда кто-нибудь на лекции начинал в одиночестве смеяться и сползать под стол, все спрашивали «что?», тот кое-как объяснял, какое место из дневника он читает, и вся группа начинала безудержно смеяться, так, что совершенно невозможно было продолжать лекцию, хотя некоторые не понимали о чем речь и смеялись просто так за компанию. Целая страница в том дневнике была посвящена рассуждениям, почему я все время хожу в штанах, и не кривые ли у меня ноги. После этого чтобы развеять все сомнения я намеренно стала носить коротенькие юбчонки.

Мы еще поболтали с Вовкой, стало холодно, он вытащил руку из рукава своего пиджака, я прижалась к нему, и он заботливо укрыл меня своим пиджаком. Я держалась легко и независимо, даже то, что мы почти обнимались, не могло обозначать ничего, кроме дружбы, и он это понимал. Потом мы встали, и он пошел меня проводить к отряду. Проклятье! Все двери и окна были закрыты, мы громко стучали, и кричали, но было бесполезно. За верандой был коридор, в котором спала Наташа, в центре коридора была комната воспитателей, и они нас не слышали. С другой стороны корпуса были окна в палаты, но будить 12 детей среди ночи было немыслимо. Было около 2 часов ночи, я сказала, что просто подожду на лавке до рассвета. Вовка ненадолго оставил меня, а потом

вернулся и повел меня с собой. Мы пришли в домик, где жил ди-джей Алексей с товарищами и потихоньку зашли в темную комнату. Там было 5 кроватей, все были заняты, кроме одной, и кто-то спал на полу, видимо он уступил свою кровать нам с Вовкой. Мы пробрались к кровати, разулись и забрались с ним под одеяло. Ну, разумеется, было не до сна. Мы с ним целовались, он обнаружил, что у меня маленькая грудь. Затем он начал расстегивать мне джинсы, я знала, что его намерения не зайдут слишком далеко, смеялась, целовалась с ним, и все-таки убирала его руки от застежки. Он ничего не понимал, а я не могла ему объяснить, что у меня первый день менструации, и что мы сейчас перепачкаем все в крови. Я не была тогда ни безудержной, ни страстной, максимум мне было весело и интересно. Я удивлялась его энергии. Мы целовались с ним до самого утра, пока мальчишки в комнате не начали шевелиться. Тогда я попрощалась с ним и ушла. Утром мы встретились снова, и сели на задней лавочке перед сценой, на которой шла танцевальная репетиция. Я хотела спать, и легла к нему на колени. Он начал со всей нежностью гладить меня по голове, расплетая каждую прядку волос. Было очень приятно, и я проваливалась в сон. Но тут неизвестно откуда холодное и острое чувство поднялось в моей груди. Это было отчаяние. Я лежу на коленях у парня, который еще вчера не мог быть мне больше, чем просто друг. Дима находится совсем близко, да я за 15 минут могу до него дойти. И вот сейчас, здесь, меня обнимает

парень, который уже считает меня своей девушкой. И который со всей нежностью, преданностью и заботой готов выполнять любые мои прихоти. Вовка, в самом деле, с невероятным уважением относился ко мне, он прислушивался ко всему, что я скажу, и искренне выражал готовность быть таким, каким я захочу его видеть, это было очень трогательно, но совершенно мне не нужно. Я дернулась в отчаянной злобе. «Не надо меня трогать по голове! У меня нет блох!». Я ему хамила на ровном месте. А он не понимал, в чем дело. Я стиснула зубы и бессильно снова легла к нему на колени. Вовка совершенно растерялся и не знал, куда деть свои руки, и некоторое время он просто держал их в воздухе. Днем он уехал, и я про него забыла. Разумеется, мы потом встретились с ним в институте. Он подошел ко мне, и я видела, как его трясет. Он не знал, что ему сделать, он на пол готов был упасть передо мной, и был просто в отчаянии. Мы стояли друг перед другом, и обоим нам было ясно, что я не буду с ним никогда. Все, что я могла сделать, это разговаривать с ним так, как будто вообще ничего не происходит.

Воин одинок, и одиночество его абсолютно. Он знает, что любая попытка построить отношения в мире людей, найти друга или хотя бы собеседника разорвет ему, собеседнику, сердце. Поскольку он уже не может вернуться в мир человеческих страстей и иллюзий, который ему было суждено оставить навсегда. И поэтому воин не цепляется за людей, единственное, за что он может уцепиться, это бесконечность.

13

Моя кровать стояла в коридоре со стороны мальчишек, и я укладывала спать две палаты, которые выходили в коридор с моей стороны. Наташа укладывала девчонок. Каждый сонный час она на весь отряд орала: «Тихо! Я кому сказала! Быстро всем спать!», угрожала разными наказаниями и вела настоящую войну. В первый день я зашла к мальчишкам и велела всем лежать с закрытыми глазами. Кто не закрывал глаза, к тому я иногда словами, а иногда жестами обращалась персонально, и все они меня слушались. После этого дети каждый сонный час уже знали, что нужно делать, и я просто тихо появлялась и тихо уходила. Один маленький шустрый сивый мальчишка, восьми лет, его звали Дима, а кличка была «мышонок», потому что он был и вправду похож на мышонка, решил покривляться. Все уже засыпали, и он лежал с закрытыми глазами и строил самые невероятные рожи. Я знала, что он всегда это делает, поскольку Наталья Юрьевна на него уже жаловалась, ее это просто выводило из себя. Она давала ему тычок, а он начинал орать благим матом «чего вы меня бьете!», и вся палата была на ушах. Я видела, как он старается, но меня это не задело нисколько. Обращать на это внимание других детей, которые честно лежали с закрытыми глазами, я не хотела. Не обращать внимания я тоже не могла, потому что он придумал бы другой способ привлечь внима-

ние. Я подошла к нему, и погладила его по голове. Он этого не ожидал, с закрытыми глазами он ласково мне улыбнулся, сладко вздохнул и действительно начал засыпать. Больше он никогда не корчил мне рожи. В другой раз мальчишки никак не хотели засыпать, только я выходила, они начинали шушукаться. Я стала ходить по палате, чтобы они знали, что я здесь, и лежали тихо. Мальчики лежали смирно, но обстановка всеобщего веселья как-то повлияла и на меня, и я стала ходить все быстрее и быстрее, и когда я начала ходить уже слишком быстро для нормального шага, вся палата вместе со мной начала гоготать. Я сказала им, что сегодня можно не спать, и можно разговаривать, но шепотом, и ушла. Они мне были благодарны до смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.